

Райчел Мид
Пламенное сердце
Серия «Академия вампиров»
Серия «Кровные узы», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8490656

Академия вампиров. Кровные узы. Кн. 4. Пламенное сердце : роман / Райчел Мид: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76090-9

Аннотация

Перед восемнадцатилетней героиней открывается целая вселенная! Оказывается, можно не только работать на тайное общество алхимиков (иными словами, тех, кто держит существование вампиров в строжайшем секрете), но и влюбляться в «темных бессмертных» созданий. А почему бы и нет? Ведь сногшибательный Адриан – талантливый мятущийся художник. Кроме того, красавец одержим магическим духом, в общем, может творить чудеса, которые потом измочаливают его разум. Умница Сидни тоже не сидит без дела. Она присматривает за юными вампирами (в числе которых имеется Джилл – особа королевского рода), а еще вступает в сообщество колдуний. Оказывается, у Сидни тоже есть скромный магический дар.

Но вдруг как гром среди ясного неба на Сидни обрушивается ворох семейных и личных проблем. Ее родители собираются разводиться, сестра Зоя переживает по любому поводу, да и алхимики наверняка подозревают что-то неладное, а с ними шутки плохи! Сидни надо срочно брать ситуацию под контроль и вместе с Адрианом прорываться вперед!

Впервые на русском языке! Продолжение популярного сериала от автора культовой «Академии вампиров»!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Райчел Мид

Пламенное сердце

Richelle Mead

FIERY HEART

Copyright © 2013 by Richelle Mead.

© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Глава первая

Адриан

Я не вру. Если парень заходит в комнату и видит, что его девушка читает книгу с названием «Имя для младенца», он вполне может получить инфаркт.

– Я не специалист... – начал я, тщательно подбирая слова. – Хотя, нет, наоборот. И я совершенно уверен, что нам нужно кое-что сделать, прежде чем тебе потребуется читать данное произведение.

Сидни Сейдж, вышеупомянутая девушка и свет моей жизни, даже не подняла взгляд, хотя на губах ее промелькнула улыбка.

– Я готовлюсь к инициации, – сообщила она будничным тоном, будто речь шла о походе в парикмахерскую или в булочную, а не о вступлении в ковен колдуний. – Мне требуется «магическое» имя, которое они используют во время собраний.

– Ага. Имя, инициация. Серые будни, да?

Чья бы корова мычала. Я и сам – вампир, обладающий поразительной и трудной для понимания способностью к целительству и умением подчинять людей, но...

На сей раз меня вознаградили настоящей широкой улыбкой. Лучи послеполуденного солнца, проникавшие в комнату, озарили глаза Сидни, и в них засверкали янтарные искры. Потом Сидни заметила стопку коробок у меня в руках, и ее глаза тотчас округлились.

– А это что?

– Революция в музыке, – объявил я, почтительно сгружая ношу на пол. Затем я открыл верхнюю коробку и включил проигрыватель. – Один парень продавал свои вещи в кампусе, и я решил, что это знак. – Я занялся следующей коробкой – уже с пластинками – и достал «Слухи» «Флитвуд Мэк». – Теперь буду слушать музыку в чистейшем, можно сказать, виде.

Похоже, на Сидни ничего не произвело впечатления. Удивительно для человека, считающего мой «Мустанг» 1967 года выпуска – Сидни назвала его Ивашкинатором – своего рода святыней.

– Лично для меня цифровая музыка неплохая. И зачем выбрасывать деньги, Адриан? Я запросто загружу все песни, которые есть у тебя на виниле, на свой телефон.

– А те шесть коробок, которые пока лежат в машине, туда тоже поместятся?

Сидни изумленно моргнула и насторожилась.

– Адриан, сколько ты денег отдал за кучу хлама?

Я отмахнулся от вопроса.

– На платежи за машину у меня хватит. Впритык. – По крайней мере, мне не надо было платить за квартиру – я уже позаботился об этом заранее, но у меня хватало и других счетов. – Кроме того, мой раздел бюджета на подобные расходы вырос, потому что кое-кто заставил меня бросить курить и урезал выпивку.

– Я забочусь о твоём здоровье, – лукаво заявила Сидни.

Я сел рядом с ней.

– А я – о твоём и борюсь с твоей кофеиновой зависимостью.

Мы заключили сделку и создали своего рода группу поддержки. Я бросил курить и пил не больше одной порции в день, а Сидни сменила свое маниакальное сидение на диете на рациональный подсчет калорий и пила только чашку кофе раз в сутки. Кстати, ей пришлось тяжелее, чем мне. Сперва я думал, что буду вынужден сдать ее в центр восстановления для кофеиновых наркоманов.

– Ошибаешься, – обиженно буркнула Сидни. – У меня такой стиль жизни.

Я рассмеялся, потянулся к ней для поцелуя, и, как всегда, мир исчез. Теперь не существовало ни названий книг, ни пластинок, ни дурных привычек. Осталась лишь она и прикосновение ее губ, мягких и одновременно обжигающих. Окружающие уверены, что Сидни холодная и уравновешенная. Только мне известно о скрытой в ее душе страсти и жажде – ну, еще и Джилл, девушке, которая может заглядывать в мой разум, поскольку мы связаны сверхъестественными узами.

Когда я укладывал Сидни на кровать, у меня в голове опять пронеслась мимолетная мысль о том, что мы намерены совершить нечто запретное. Люди и вампиры-морoi перестали смешивать свою кровь в Средние века, когда мой народ скрылся от чужих глаз. Мы сделали это из соображений безопасности, решили, что лучше будет, если мы сохраним наше существование в тайне от других. Сейчас и морoi, и простые смертные (разумеется, алхимики) считают подобные отношения неуместными, а некоторые – дурными и извращенными. Но мне все равно. Мне плевать на все, кроме Сидни и ее прикосновений, сводящих меня с ума, хотя ее спокойствие и сдерживает бушующую во мне бурю.

Конечно, мы не выставляем наши чувства напоказ. Наш роман хранится в глубокой тайне, и нам приходится таиться и тщательно рассчитывать время. Но даже оно утекает сквозь пальцы. Сегодня мы действовали по спланированному сценарию. Последний урок у Сидни отведен под самостоятельные занятия. Снисходительный преподаватель позволяет ей уйти раньше, и у нее появляется возможность приехать ко мне. Мы тратим наш драгоценный час на поцелуи и объятия – или разговоры. Но чаще – на поцелуи, еще более неистовые из-за давления, под которым мы живем. Затем Сидни возвращается в кампус, как раз к тому моменту, когда ее прилипчивая и ненавидящая вампиров сестра Зоя влетает в их общую комнату.

У Сидни имеются свои внутренние часы, которые, наверное, оснащены сигнальным звонком. Я думаю, это часть ее врожденной способности следить за сотней вещей одновременно. Я так не умею. В данные секунды я, например, был поглощен исключительно тем, как стащить с Сидни блузку, и думал, получится ли снять с нее бюстгальтер. Увы, пока мне не очень везло.

Сидни уселась, покрасневшая, с взъерошенными волосами. Она была настолько красивой, что у меня сжалось сердце. Мне всегда отчаянно хотелось, чтобы я мог нарисовать ее в такие мгновения и обессмертить ее взгляд. В ее глазах появляется нежность – настоящая редкость для нее, – а еще уязвимость человека, который привык вести себя сдержанно и рассудительно. Но хотя я неплохой художник, перенести Сидни на полотно мне не под силу.

Сидни надела и застегнула коричневую блузку, пряча бирюзовое кружево под консервативной одеждой, которую она носит как броню. Между прочим, недавно она провела ревизию своих бюстгальтеров. Я часто грустил, когда они скрывались из вида, но был счастлив знать, что они облегают ее тело – яркие скрытые ото всех цвета ее жизни.

Когда Сидни подошла к зеркалу в моем шкафу, я воспользовался магией духа, чтобы проверить ее ауру – энергию, окружающую каждое живое существо. Краткий всплеск удовольствия от магии – и я узрел сияние вокруг Сидни. Все как всегда: желтый цвет ученого уравновешивал насыщенный фиолетовый страсти и духовности. Одно мгновение – и аура угасла, вместе со смертоносным весельем духа.

Сидни закончила причесываться и посмотрела вниз.

– Что это?

– А? – Я шагнул к Сидни и обнял ее за талию.

Затем я понял, что она нашла, и оцепенел. Сверкающие запонки с рубинами и бриллиантами. Тепло и радость в моей душе сменились холодной, но знакомой мрачностью.

– Мне несколько лет назад подарила на день рождения тетя Татьяна.

Сидни подняла запонку и пытливо на нее уставилась. Настоящий знаток!

– Они стоят целое состояние. Они из платины. Продай их – и будут тебе карманные деньги. На все пластинки, какие пожелаешь.

– Я их продам не раньше, чем начну ночевать под мостом.

Сидни заметила произошедшую во мне перемену и забеспокоилась.

– Эй, я же пошутила. – Ее рука нежно коснулась моей щеки. – Все хорошо.

О нет. Мир внезапно сделался жестоким, лишенным надежды местом, опустевшим со смертью моей тети, королевы мороев и единственной из всех моих родственников, кто не осуждал меня. В горле у меня встал ком, а стены будто сдвинулись. Я вспомнил, как Татьяну закололи. Кровавые фотографии с ее телом выставляли напоказ, когда пытались обнаружить убийцу. И неважно, что его арестовали и приговорили к смерти. Тетю Татьяну не вернуть. Она покинула меня, и я не мог за ней последовать – во всяком случае, пока. Я остался здесь – одинокий, ничтожный, мечущийся...

– Адриан.

Голос Сидни был ласковым, но твердым, и я медленно всплыл из пучины отчаяния, способного стремительно охватить меня и почти задушить. Я вырвался из тьмы, что возростала год за годом – вместе с использованием духа. Вот цена за возможность владеть магическим могуществом. Что ни говори, а мои внезапные приступы с некоторых пор участились. Я посмотрел в глаза Сидни, и мир снова стал цветным. Я по-прежнему тосковал по тете, но Сидни, моя надежда и мой якорь, находилась рядом. Меня понимали. Сглотнув, я кивнул и слабо улыбнулся. Темная хватка духа отпустила меня. На время.

– Ничего, я в норме, – увидев сомнение на лице Сидни, я чмокнул ее в лоб. – Правда. Тебе пора, Сидни. А то Зоя не поймет. И ты опоздаешь на свое колдовское собрание.

Сидни еще несколько мгновений смотрела на меня с тревогой, но вскоре расслабилась.

– Ладно. Но если тебе что-нибудь будет нужно...

– Знаю. Звони по Любовному телефону.

Сидни просияла. Недавно мы с ней купили мобильники, работающие на предоплате, чтобы алхимики (типы из организации, на которую работает Сидни) нас не засекли. Не то чтобы они постоянно прослушивали ее основной номер – но они определенно могли это сделать, если бы решили, что творится нечто подозрительное. А мы не хотели оставлять след из звонков и смс.

– Я приду ночью, – добавил я.

Сидни посуровела.

– Адриан, нет. Слишком рискованно.

У пользователя духа есть отличная возможность – он способен навещать людей в их снах. Это удобный способ поболтать, потому что днем у нас на разговоры вообще не хватало времени. Но как и всякие «фокусы», связанные с духом, такой род магии был сопряжен с риском для моего рассудка. Сидни даже пугалась моего дара, но я считал издержки малой ценой за шанс побыть с ней.

– Не спорь! – заявил я. – Я не намерен расставаться с тобой. А ты ведь хочешь знать, что творится у меня, верно?

– Адриан...

– Я ненадолго, – пообещал я.

Сидни вяло согласилась – вид у нее был отнюдь не веселый – и направилась к двери. Когда мы проходили через гостиную, она притормозила у аквариума, который красовался у окна. Улыбнувшись, Сидни присела и постучала по стеклу. В аквариуме жил дракон.

Я серьезно. Строго говоря, он именовался каллистаной, но мы редко использовали научный термин. Мы дали ему прозвище Прыгун. Сидни вызвала его из какого-то демонского царства, чтобы он стал ее помощником. Но, в основном, он стремился помочь нам избавиться от вредной еды в моей квартире. Я и Сидни были связаны с Прыгуном некими

узами, и для сохранения здоровья ему требовалось, чтобы мы оба заботились о нем. Но после приезда Зои дракончик переселился ко мне. Сидни сняла крышку с аквариума и позволила золотистому чешуйчатому созданию взбежать по руке. Прыгун тарачился на нее с обожанием, и я хорошо его понимал.

– Я его ненадолго усыплю, – сообщила она. – Как ты смотришь на перерыв?

Прыгун мог существовать в своем натуральном, живом виде или превращаться в статуэтку – очень удобно на случай визита посторонних. Впрочем, преобразить каллистана могла лишь Сидни.

– Отлично. Он пытается съесть мои брюки. И ему незачем глазеть на то, как ты целуешь меня перед уходом.

Сидни почесала дракончику шейку и произнесла заклинание, обратившее его в камень. Так все гораздо проще, но опять же, каллистане необходимо иногда пробуждаться. Ну и я сам привязался к прыгучей мелюзге.

– Я заберу его, но обязательно верну, – сказала Сидни, пряча статуэтку в сумку.

Я кивнул. Пребывание рядом с Сидни было ему полезно.

Освободившись от взгляда глаз-бусинок, я подарил Сидни на прощание долгий поцелуй. Мне не хотелось, чтобы он прекращался, и заключил лицо Сидни в свои ладони.

– План побега номер семнадцать, – шепнул я. – Сматываемся и открываем бар с соками в Фресно.

– Почему в Фресно?

– Мне кажется, народ прямо умирает от жажды.

Сидни промолчала, но ответила на мой поцелуй.

Подобные планы стали для нас дежурной шуткой – они всегда были дурацкими и нумеровались безо всякого порядка. Обычно я сочинял их в одну секунду. Впрочем, я не сомневался, что были даже более реальны, чем любая из наших перспектив. И Сидни, и я до боли остро осознавали, что у нас есть лишь настоящее, а будущее скрыто в тумане.

Прекратить второй поцелуй оказалось непросто, но в конце концов Сидни это удалось. Она покидала меня, а я смотрел ей вслед. Теперь моя квартира сделалась темнее.

Я принес из машины остальные коробки и принялся копаться в сокровищах. Большинство пластинок относились к шестидесятым и семидесятым годам, но попадались и экземпляры из восьмидесятых. Они лежали кучей, бессистемно, и я не пытался разобрать их. Хотя Сидни и заявила, что их покупка – бессмысленный поступок, она не удержится и рассортирует винил по исполнителям, жанрам или по цвету конвертов. А я перетащил проигрыватель в гостиную и выбрал пластинку наугад. Мне попались «Дип Пёпл», «Машин Хэд».

У меня была еще пара часов до обеда. Я присел перед проигрывателем и, уставившись на пустой холст, гадал, как быть с моим домашним заданием – а задали нам нарисовать автопортрет. Не обязательно свое точное подобие. Он мог быть и абстрактным. Да каким угодно, лишь бы он выражал меня. И я почувствовал себя загнанным в тупик. В принципе, я способен орудовать кистью. Хотя я не в силах передать тот восторженный взгляд, каким на меня смотрит Сидни, когда я обнимаю ее, но я могу изобразить ее ауру или цвет ее кожи. Я могу нарисовать мечтательное, нежное лицо моей подруги Джилл Мастрано Драгомир, юной принцессы мороев. Я могу сделать набросок пламенеющих роз в честь моей бывшей возлюбленной: она разбила мое сердце, но я до сих пор восхищаюсь ею.

Но себя самого? Я не представляю как... Возможно, я впал в ступор художника или толком не знаю себя. Я пялился на холст, досадуя все больше, и сражался со стремлением отправиться к моему обделенному вниманием бару. Спиртное не обязательно улучшает творение, но обычно порождает вдохновение. Я буквально ощущал во рту вкус водки. Можно смешать ее с апельсиновым соком и притвориться, будто так она полезнее для здоровья. Пальцы мои сжались, а ноги чуть не понесли меня на кухню – но я сопротивлялся. В памяти

всплыл пылкий образ Сидни, и я опять сосредоточился на холсте. Я могу быть трезвым живописцем! Я обещал ей, что буду пить раз в день, и я сдержу слово. Если честно, я особенно нуждаюсь в выпивке вечером – перед сном. Я плохо сплю. Я долгое время мучился от бессонницы, поэтому прибегал к любым мерам.

Однако вдохновения мое здоровое решение не принесло, и когда стрелка подходила к пяти часам, холст все еще оставался пустым. Я встал и потянулся, а прежняя тьма вновь нахлынула на меня. Она была скорее гневной, чем печальной, дополненной раздражением на свою неспособность справиться с заданием. Мои преподаватели твердили, что я талантлив, но я чувствовал себя раздолбаем и прирожденным неудачником, каковым меня считало большинство. Это очень меня угнетало, когда я возвращался мыслями к Сидни. Она – такая умница и легко добьется успехов на любом выбранном ею поприще. Даже если забыть о сложностях вампирско-человеческих отношений, я не раз задумывался – а что я могу ей предложить? Я даже выговорить правильно не могу половину тех вещей, которыми она интересуется, не то что потрепаться о них. А если нам когда-нибудь удастся свить гнездышко, она будет оплачивать счета, а я – с горем пополам вести домашнее хозяйство. Но если она захочет, приходя домой, находить там красавчика, на это я, пожалуй, гожусь.

Страхи, которые грызли меня, усиливали дух. Не под всеми из них были реальные основания, но от них-то было трудно отмахнуться.

Я отложил работу и решил прогуляться в надежде отвлечься на что-нибудь. Садилось солнце, а зимний вечер в Палм-Спрингсе позволял обойтись обычной ветровкой. Наступили сумерки – любимое время вечера мороев – еще светло, но уже не настолько, чтобы чувствовать себя неуютно. Мы можем уживаться с солнечным светом, в отличие от стригоев, немертвых вампиров, убивающих ради крови. Их солнце уничтожает, и нам это на руку. В драке с ними нужно использовать любое преимущество.

Я направился в Виста Азул, пригород, находящийся в десяти минутах езды от центра города. Именно здесь располагалась школа-пансион Амбервуд, в которой учились Сидни и прочие члены нашей пестрой компании. Обычно роль шофера исполняет Сидни, но сейчас данная сомнительная честь выпала мне, поскольку Сидни торопилась на тайное собрание ковена. Когда я прибыл, ребята ждали меня на тротуаре у женского общежития. Перегнувшись через пассажирское сиденье, я распахнул дверцу и скомандовал:

– На борт!

Пассажиры набились в машину. Сегодня их было пятеро плюс я. Если бы не отсутствие Сидни, получилось бы счастливое число семь. Когда мы переехали в Палм-Спрингс, нас было четверо. Джилл, причина нашего пребывания в городке, скользнула на соседнее сиденье, одарив меня ослепительной улыбкой.

Если Сидни – главная утихомиривающая сила в моей жизни, то Джилл – вторая по важности. Ей всего пятнадцать, на семь лет меньше, чем мне, но от нее исходит ощущение благодати и мудрости. Сидни – моя настоящая вечная любовь, но Джилл понимает меня как никто. Странно было бы ожидать иного – ведь мы связаны сверхъестественными узами. Они возникли год назад, когда я воспользовался духом, чтобы спасти ее – и когда я говорю «спасти», я не вру и не лукавлю. С формальной точки зрения Джилл была мертва – меньше минуты, но все же... В общем, я совершил чудотворный акт исцеления и вернул Джилл обратно прежде, чем мир иной заявил на девушку свои права. Чудо создало между нами связь, позволяющую Джилл ощущать и сканировать мои мысли. Правда, со своей стороны я ничем подобным похвастаться не могу.

Таких, как Джилл, называют «поцелованными тенью», и этого бы точно хватило, чтобы испортить обычного подростка. Вдобавок Джилл является представителем угасающего морейского рода. Между прочим, членов в знатном королевском роду всего два, и Джилл совсем недавно узнала о своем происхождении. Ее сестре, Лиссе – королеве мороев

и моему другу, было крайне важно видеть Джилл целой и невредимой – а иначе Лиссе не удалось бы усидеть на троне. В результате противники либерального правления Лиссы желали убить Джилл, дабы прибегнуть к старинному закону, требующему, чтобы у монарха имелся хотя бы один родственник. И в результате кто-то породил блестящую идею: спрятать Джилл в «нормальном» городке в жаркой Калифорнии. А какой вампир пожелает жить здесь? Я и сам теряюсь в догадках.

Три телохранителя Джилл набились на заднее сиденье. Они – дампирь. А кто же они? Дампирь возникли от смешения человеческой и вампирской крови в те времена, когда между нашими народами случались романы. Они сильнее и быстрее прочих членов нашей компании, что делает их идеальными воинами для схваток со стригоями и царевубийцами. Эдди Кастиль – фактический лидер, крепкий, как скала. Он был с Джилл с самого начала. Ангелина Доус – рыжий вулкан – чуть менее надежна. То есть на нее лучше не рассчитывать. Впрочем, драка за ней не заржавеет. Последнее прибавление в группе – Нейл Рэймонд, он же Дылда, он же Пай-мальчик, он же Зануда. По неизвестным мне причинам Джилл с Ангелиной тают от его повадок. Дескать, это признак благородства. Тот факт, что он учился в Англии и подцепил на острове британский акцент, кажется, особенно их воспламеняет.

Последний член группы застыл у машины, не желая садиться. Зоя Сейдж, сестра Сидни.

Она наклонилась, и наши взгляды встретились. Глаза у нее карие, почти такие же, как у Сидни, только менее золотистые.

– Тут чересчур тесно, – сказала она. – Я не помещусь.

– Нет, – возразил я. Уловив намек, Джилл придвинулась поближе ко мне. – Сиденье рассчитано на троих. Прошлый владелец даже дополнительный ремень сюда прикрутил. – Хотя данное обстоятельство делало автомобиль более безопасным, Сидни чуть инфаркт не хватил при виде такого покушения на первоначальный вид «Мустанга». – Кроме того, мы ведь родственники, верно?

Чтобы нам было проще держаться вместе, мы убедили администрацию школы в том, что являемся родными или двоюродными братьями и сестрами. Однако алхимики заартачились насчет Нейла, и не ошиблись. Это выглядело бы нелепо.

Зоя несколько секунд таращилась на пустое место. Хотя сиденье было действительно длинным, ей все равно пришлось бы притиснуться к Джилл. Зоя пробыла в Амбервуде лишь месяц, и ее одолевала комплексы и предрассудки алхимиков, связанные с вампирами и дампирями. Но ведь у Сидни они тоже были. Ирония судьбы заключается в том, что миссия алхимиков – хранить мир вампиров и сверхъестественных явлений в тайне от своих сородичей-людей. Алхимики боятся, что смертные не совладают с этим знанием. Еще алхимики убеждены, что дампирь – искаженное творение природы, которое надо игнорировать и держать на расстоянии от людей. Ага, ведь наше зло их испортит! Поэтому алхимики помогают нам нехотя. В ситуациях наподобие истории с Джилл, когда требуется договариваться за кулисами с официальными лицами и школьным руководством, они весьма полезны. Ораторское искусство – их стихия. Кстати, вот для чего сюда изначально прислали Сидни – чтобы упростить жизнь в изгнании для Джилл. Оно и понятно – ведь алхимики не желают гражданской войны среди мороев. А Зоя переехала в городок в качестве ученицы, и теперь нам приходится из кожи вон лезть, чтобы скрыть наши отношения.

– Испугалась? – усмехнулся я. Это был самый эффективный способ сдвинуть Зою с места. Она хотела стать идеальным алхимиком. А зачем? Конечно, для того, чтобы добиться одобрения папаши Сейдж – насколько я могу судить по множеству слухов, – упрямого типа.

Зоя вздохнула и собралась с духом. Не сказав ни слова, она уселась рядом с Джилл, захлопнула дверцу и насупилась.

– Надо было Сидни оставить свой внедорожник, – буркнула она.

– А где Сейдж? Ну, в смысле, старшая Сейдж, – поправился я, выезжая со школьной подъездной дорожки. – Нет, я не против вас покатать. Только следовало прихватить для меня черную шапочку, крошка. – Я ткнул Джилл локтем под ребра, она стукнула меня в ответ. – Соорудите что-нибудь такое в вашем швейном клубе.

– Она выполняет какое-то задание миз Тервиллингер, – неодобрительно произнесла Зоя. – Она вечно что-то делает для нее. И почему изучение истории занимает столько времени!

Зоя, к счастью, не знала, что «задание» Сидни – это вступление в ковен, в котором состоит ее учительница. Человеческая магия до сих пор кажется мне странной и загадочной – а алхимики вообще предают ее анафеме! – но у Сидни имелся врожденный талант. Неудивительно, если учесть ее даровитость. Она уже преодолела свой страх и перед магией, и передо мной. Теперь она погрузилась в изучение колдовства под руководством ее чудаковой, но милой наставницы Джеки Тервиллингер. Сказать, что алхимикам это не понравилось бы, было бы редкостным преуменьшением. Даже не представляю, что взбесило бы их больше: тайные искусства или роман с вампиром. Здесь можно было бы и посмеяться, но я боялся, что ревностные фанатики могут навредить Сидни. А вдруг они ее поймают, что тогда? Вот поэтому привычка Зои ходить за сестрой по пятам только накалила ситуацию.

– Ох уж наша Сидни, – отозвался с заднего сиденья Эдди. В зеркале заднего обзора я увидел, что он улыбается, продолжая сосредоточенно сканировать пространство вокруг – нет ли где опасности. Их с Нейлом обучали на стражей, крутых дампиров-профессионалов, охраняющих мороев. – Для нее получить четверку – проявление нерадивости.

Зоя покачала головой. Ее, в отличие от остальных, слова Эдди не развеселили.

– Что за дурацкий учебный курс! Ей достаточно получить нормальную отметку, и все.

«Нет, – подумал я. – Ты не права». Сидни поглощала знания не просто так: она действительно их любила. Она мечтала поступить в колледж и зарыться в академические дебри. Увы, ее от рождения посвятили семейному делу, заставляя беспрекословно выполнять все поручения алхимиков. Сидни окончила школу, но училась в выпускном классе по второму разу так же ответственно, как и прежде, жадно впитывая любую новую (и старую) информацию.

«Когда-нибудь, когда Джилл будет в безопасности, мы убежим». Пока не пойму, куда и когда, но Сидни сообразит. Она выскользнет из хватки алхимиков и станет доктором Сидни Сейдж, а я... ну и я тоже.

Я почувствовал прикосновение чьей-то ладошки и, бросив взгляд, увидел, сострадавшее лицо Джилл. Ее нефритовые глаза сверкали. Она была в курсе всех моих фантазий, которым я частенько предавался. Я улыбнулся в ответ.

Мы проехали через город, потом очутились в предместье, где находился дом Кларенса Донахью, единственного мороя, у которого хватает ума жить в глуши. То есть он был единственным, пока прошлой осенью сюда не заявились мы с друзьями. Старина Кларенс, как бы это так выразиться, не совсем в своем уме, но он любезно принял разношерстную компанию мороев и дампиров, а также разрешил пользоваться услугами своей кормилицы-экономки. Морои не убивают ради крови, как стригои, но она нужна нам минимум пару раз в неделю. К счастью, множество людей с радостью предоставляют свою кровь в обмен на жизнь на эндорфиновом пике – именно его вызывает укус вампира.

Мы нашли Кларенса в гостиной. Он сидел в массивном кожаном кресле и при помощи лупы читал какую-то старинную книгу. Он поднял голову и вздрогнул.

– Гости в четверг? Какой приятный сюрприз!

– Сегодня пятница, мистер Донахью, – кротко произнесла Джилл и, наклонившись, поцеловала его в щеку.

Старик ласково взглянул на нее.

– Что, правда? А я думал, вы здесь были вчера. Ну да неважно. Я уверен, что Дороти с радостью окажет вам услугу.

Дороти, его пожилая экономка, была очень даже довольна. Наш с Джилл приезд в Палм-Спрингс стал для нее выигрышем в лотерею. С возрастом морои пили меньше крови, и хотя Кларенс все еще доставлял Дороти удовольствие время от времени, наши с Джилл частые визиты обеспечивали ее почти постоянным наслаждением. А вот чего никто, кроме Джилл, не знал, так это того, что хотя группа официально привозила Джилл сюда всего два-три раза в неделю, я приезжал, чтобы брать кровь у Дороти ежедневно. Именно поэтому Кларенс перепутал, какой сегодня день. Я никогда не сходил с ума от жажды крови во время близости с Сидни, и, думаю, этого никогда не будет. Но как бы сильно она ни преуспела в отношениях с вампирами, я знаю, что от мысли о потреблении крови ее просто тошнит. Итак, я намеревался не допустить и тени шанса, что в запале страсти мне придет в голову мысль об укусе. Другие морои проделывают подобное друг с другом и с дампирями, но это не для меня. Я жажду ее тела, а не ее крови.

Джилл поспешила к Дороти.

– Можно, сейчас я?

Пожилая женщина нетерпеливо закивала, и они покинули гостиную, чтоб уединиться в приватной обстановке. На лице Зои промелькнуло отвращение, но она тактично промолчала. Это ее отвращение и манера садиться как можно дальше от нас так напоминала прежнюю Сидни, что я едва сдержал улыбку.

Ангелина буквально подпрыгивала на диване.

– А как насчет ужина? – Ангелина говорила с характерным южным акцентом, поскольку выросла в патриархальной горной общине мороев, дампиров и людей – насколько я знаю, единственной, где все они спокойно живут вместе и женятся друг на друге. Все поименованные следят за ними со смесью ужаса и очарованности. Но какой бы привлекательной ни была открытость этой общины, мне и в голову не приходило убежать туда вместе с Сидни. Терпеть не могу жизнь на лоне природы.

Никто не ответил. Ангелина посмотрела на всех поочередно.

– Ну? Почему бы не перекусить?

Дампиры не пьют кровь и могут есть обычную человеческую пищу. Морои тоже нуждаются в подобной еде, хотя и не в таких количествах. Чтобы поддерживать ускоренный метаболизм дампиров, требуется много энергии.

Эти регулярные собрания превратились в своего рода семейные трапезы, не только в смысле крови, но и в смысле обычной еды. Приятно было делать вид, будто мы ведем нормальную жизнь.

– Мне нравится индийская еда, которая была в прошлый раз. Масала, или как там правильно. Только не знаю, стоит ли туда ходить еще, а то начнут называть ее едой коренных американцев. А это как-то не очень вежливо получается.

– Обычно едой занимается Сидни, – сказал Эдди, не обращая внимания на знакомую и милую сердцу привычку Ангелины путать все на свете.

– Не обычно, – поправил его я. – Всегда.

Ангелина перевела взгляд на Зою.

– Может, добудешь нам чего-нибудь?

– Это в мои обязанности не входит! – Зоя гордо вскинула голову. – Мы здесь для того, чтобы хранить пребывание Джилл в тайне и следить, не засекли ли ее. А не для того, чтобы вас кормить!

– В каком смысле? – поинтересовался я. Я прекрасно понимал, что говорю гадость, но не смог удержаться. Зое потребовалось несколько секунд, чтобы осознать двойное значение собственной фразы. Она побледнела, потом покраснела от гнева.

– Ни в каком! Я вам не прислуга! И Сидни тоже! Не понимаю, почему она заботится о таких вещах. Она должна заниматься лишь тем, что важно для вашего выживания. Заказ пиццы сюда не входит!

Я изобразил ленивый зев и откинулся на спинку дивана.

– Может, она считает, что, если нас хорошо кормить, вы двое не будете казаться нам такими аппетитными.

Зоя пришла в такой ужас, что не ответила, а Эдди бросил на меня сердитый взгляд.

– Хватит. Не так уж трудно заказать пиццу. Я этим займусь.

К тому моменту, как Эдди договорился со службой доставки, вернулась весело улыбающаяся Джилл. Она явно наблюдала нашу перепалку. Узы проявляли себя не постоянно, но, похоже, сегодня они были сильны. Когда проблема с пиццей была улажена, нас охватил поразительный дух товарищества – ну, если не считать Зою. Она просто наблюдала за нами и ждала. Отношения между Ангелиной и Эдди стали на редкость сердечными, невзирая на их недавние попытки встречаться, закончившиеся крахом. Но Ангелина на этом не успокоилась и теперь делала вид, что влюбилась в Нейла. Если это и причиняло Эдди боль, он никак этого не показывал, что было типично для него. Сидни уверяла, что он тайно влюблен в Джилл – это Эдди тоже хорошо скрывал.

Я одобрял поведение Эдди. Джилл, как и Ангелина, притворялась, будто влюблена в Нейла. Обе они только притворялись, но никто, даже Сидни, мне не верил.

– Как тебе наш заказ? – спросила у Нейла Ангелина. – Ты сам чего-то помалкиваешь, чего тебе хотелось бы.

Нейл со стоическим видом только покачал головой. Он стриг свои темные волосы крайне коротко и аккуратно. Алхимики любили серьезный подход к делу.

– Я не могу тратить драгоценное время на такие мелочи, как выбор между пепперони и пиццей с грибами. Если бы ты училась в моей школе в Девоншире, ты бы поняла. На втором курсе нас оставили одних на торфяниках; мы должны были сами добывать себе пищу и осваивать навыки выживания. Поешь три дня побегу и вереск – и научишься не перебирать деликатесы.

Ангелина с Джилл заахали, как будто в жизни не слышали ничего более крутого и мужественного. Лицо Эдди вполне отражало и мои чувства: он явно размышлял, то ли парень и вправду говорит серьезно, то ли гениально умеет вызывать восхищение девчонок.

У Зои зазвонил мобильник. Она внимательно посмотрела на экран и вскочила.

– Это папа!

И, даже не взглянув на нас, она вылетела из комнаты.

Я не силен в предсказаниях, но меня пробрал озноб. Сейдж-отец не из тех сердечных и дружелюбных людей, которые звонят в рабочее время, чтобы поздороваться с дочерью – а он знал, что Зоя сейчас занята делами алхимиков. А то, что касается ее, касается Сидни и беспокоит меня.

Я не обращал внимания на продолжающийся разговор – считал секунды до возвращения Зои. Когда она наконец вернулась, по ее мертвенно-бледному лицу я понял, что был прав. Случилось что-то очень скверное.

– Что стряслось? – спросил я. – С Сидни все в порядке?

Я слишком поздно спохватился, что не должен был выказывать особого беспокойства о Сидни. Даже близкие друзья не знали о наших отношениях. К счастью, всеобщее внимание было приковано к Зое.

Она медленно покачала головой. В расширенных глазах застыло неверие.

– Я... я не знаю. Мои родители... они... они разводятся.

Глава вторая

Сидни

Я никак не ожидала, что тайная инициация в ковене ведьм начнется с чаепития.

– Милочка, передай, пожалуйста, савоярди.

Я быстро подхватила с кофейного столика фарфоровое блюдо и вручила его Мод, одной из старших колдуний среди присутствующих и хозяйке дома, в котором мы сегодня собрались. Мы сидели кружком на складных стульях в ее безупречной гостиной, а моя учительница истории, миз Тервиллингер, сидела рядом со мной и ела сэндвич с огурцом. Я слишком нервничала, чтобы что-либо говорить, и просто пила чай, пока остальные вели светскую болтовню. Мод подала травяной чай, так что я могла не беспокоиться о нарушении моего договора с Адрианом насчет кофе. Но, если бы она подала натуральный кофе, я бы не возражала.

Нас собралось семеро, и хотя колдуньи готовы были принять к себе любое число достойных кандидаток, похоже, всем было приятно, что получилось такое превосходное число. Мод утверждала, что оно счастливое. Время от времени Прыгун высовывал голову, потом снова отправлялся шуршать под мебелью. Поскольку колдуньи и глазом бы не повели при виде каллистаны, я позволила ему сегодня порезвиться.

Кто-то приводил доводы о сравнительных преимуществах зимних и летних инициаций, и я поймала себя на посторонних мыслях. Я задумалась о том, как там сейчас у Клэренса. Я возила Джилл на кормление начиная с сентября и теперь чувствовала себя странно и слегка грустно из-за того, что я тут, а все мои друзья там и приятно проводят время. Внезапно я осознала, что не договорилась насчет их ужина. Адриан исполнял роль водителя, и мне не пришлось в голову дать указания. Займется ли этим Зоя? Наверное, нет. Я подавила материнский инстинкт, вопящий, что они там умрут без меня от голода. Наверняка кто-нибудь сумеет разобраться с едой.

При мысли об Адриане мне снова вспомнились наши сегодняшние счастливые мгновения. Даже несколько часов спустя я ощущала вкус его поцелуев. Я глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки, а то, глядишь, мои будущие сестры поймут, что сейчас я размышляю о чем угодно, но только не о магии. Хотя в последнее время я думаю только об одном – как мы с Адрианом лежим полураздетые и ласкаем друг друга. Раньше я гордилась тем, что в любых обстоятельствах ставлю работу на первое место. Теперь я поразилась, как такого рассудительного человека, как я, могла столь стремительно поглотить плотская активность. Иногда я пытаюсь рационализировать свою страсть и списать все на естественную физиологическую реакцию. Но вынуждена смотреть правде в глаза: мой парень, хоть он и вампир, безумно сексуален, и я просто не в силах избегать его.

Внезапно я осознала, что кто-то меня о чем-то спросил. Я с трудом оторвалась от воспоминаний о том, как Адриан расстегивает мою блузку, и повернулась к собеседнице. Мне потребовалась лишняя секунда, чтобы вспомнить ее имя. Трина. Ну, конечно. Ей лет двадцать пять – самая молодая из присутствующих, не считая меня.

– Простите, что вы сказали? – промямлила я.

Трина улыбнулась.

– Я спросила – у вас есть отношения с вампирами?

Ой. У меня еще какие отношения с одним конкретным вампиром, но она явно подразумевала другое.

– Ну да, – уклончиво произнесла я.

Миз Тервиллингер хихикнула.

– Алхимики очень ревниво оберегают свои тайны.

Пара колдуний закивала. Остальные с любопытством взглянули на меня. Мир колдуний не пересекался с обществом вампиров. Если честно, они даже не подозревали друг о друге. Некоторые из моих новых знакомых изрядно удивились, узнав о мороях и стригоях. Вот и отлично – алхимики хорошо справляются со своей миссией. Насколько я поняла, здешние колдуньи часто сталкивались с таинственным и сверхъестественным, чтобы спокойно воспринять новости о пьющих кровь магических созданиях и об организации алхимиков, которые пытаются контролировать их.

Колдуньи и паранормальное прекрасно сочетаются между собой. А у алхимиков – ситуация похуже. Организация, в которой я выросла, считает, что людям надо держаться подальше от магии ради чистоты душ. Когда-то я тоже верила, что дружба между нами и вампирами невозможна. А еще я полагала, что алхимики никогда не лгут. Теперь я знаю, что в организации есть типы, которые лгут и людям, и мороям. Эти ребята пойдут на все ради защиты своих шкурных интересов, кто бы им ни грозил. Когда я осознала правду, то не смогла слепо подчиняться своему руководству, хотя официально до сих пор я работаю на них. Впрочем, я и не бунтую в открытую – как, например, мой друг Маркус, – поскольку некоторые их изначальные принципы имеют свои достоинства.

А вообще-то, все свелось к тому, что теперь я – сама себе хозяйка.

– Тебе надо побеседовать с Инес, если она, разумеется, согласится. У нее было множество стычек с тварями – ну, с теми, которые немертвые.

Опять Мод что-то тараторит. Она поняла, что золотая лилия у меня на щеке сообщает знающим, что я – алхимик. Татуировка сделана при помощи вампирской крови и других компонентов, дающих нам часть их выносливости и способностей к самоисцелению. Кроме того, она не позволяет нам обсуждать сверхъестественное с теми, кто не причастен к миру магии. Во всяком случае, со мной так и получается.

– Кто такая Инес? – вырвалось у меня.

Послышались смешки.

– Величайшая из нас – во всяком случае, в этой части страны, – заявила Мод.

– В этой части мира, – поправила миз Тервиллингер. – Ей почти девяносто, и она видела и совершала такое, чего большинство из нас даже представить себе не может.

– А почему ее здесь нет? – выпалила я.

– Она не входит официально ни в один ковен, – объяснила ведьма по имени Элисон. – Она наверняка с ними общается, но действует она сама по себе вот уже... словом, много-много лет. С ней трудно связаться, и держится она особняком. Она живет в старинном доме под Эскондидо и почти не покидает его.

Мне на ум пришел Кларенс.

– Кажется, она бы хорошо поладила кое с кем из моей компании.

– В свое время она прикончила кучу стригоев, – задумчиво произнесла Мод. – Думаю, она знает кое-какие заклинания, которые быгодились тебе. И она разбирается в повадках этих существ. Она – настоящий воитель. Однажды она поведала нам, как один из них попытался напиться ее крови. – Мод передернуло. – Но, судя по всему, он не смог ничего сделать, и ей удалось его прикончить.

Моя рука с чашкой застыла в воздухе.

– В каком смысле?

Мод пожала плечами.

– Я не помню подробностей. Наверное, она носила амулет или использовала защитное заклинание.

Мое сердце лихорадочно забилося. В памяти всплыло давнее мрачное воспоминание. В прошлом году меня поймала в ловушку злобная стригойка, которая тоже хотела напиться

моей крови. У нее ничегошеньки не получилось, якобы потому, что я «скверная на вкус». Но настоящая причина все еще оставалась загадкой, о которой под грузом неотложных дел позабыли и алхимики, и морои. А вот я не могла выкинуть стригойку из головы. Вопрос без ответа сидел в уголке моего сознания и мучил меня. Что же отпугнуло от меня ту стригойку?

Миз Тервиллингер, хорошо меня изучившая, внимательно посмотрела на меня и кое о чем догадалась.

– Если тебе хочется побеседовать с Инес, я могу устроить встречу. – Ее губы дрогнули в улыбке. – Хотя не гарантирую, что она поделится с тобой полезной информацией. Она не любит откровенничать.

Мод фыркнула.

– Я бы выразилась иначе, но твой вариант более вежлив. – Она посмотрела на богато украшенные дедовские часы и водрузила чашку на стол. – Кстати, не пора ли нам начать?

Я забыла и про Инес, и даже про Адриана – меня охватил страх. Менее чем за год я ушла на невообразимое расстояние от учения алхимиков, прежде управлявшего моей жизнью. Общество вампиров перестало меня смущать, но предубеждение против тайных учений порой всплывало снова. В итоге я собралась с духом и сказала себе, что я давно перестала шарахаться от магии, и колдовство становится злом лишь тогда, когда его употребляют во зло. Члены «Стеллы», как называла себя эта организация, давали клятву не причинять никому вреда, кроме как для самозащиты или защиты другого.

Ритуал проходил на заднем дворе Мод, просторном, заросшем пальмами и зимними цветами. Было градусов десять тепла – не сравнить с концом января в других штатах. Однако в Палм-Спрингсе считалось уместным в такую погоду не снимать куртку. Миз Тервиллингер предупредила меня, что я сегодня могу принарядиться, как хочу, – а все нужное мне предоставят. Поэтому мне вручили плащ, сшитый из шести полос бархата разного цвета. Я набросила его на плечи и почувствовала себя корабейницей из детской сказки.

– Прими наш подарок, – объявила миз Тервиллингер. – Каждая из нас внесла в него свою часть. Ты будешь надевать его на наши официальные церемонии.

Остальные колдуньи облачились в похожие плащи из разного количества полос; количество зависело от того, сколько членов было в ковене на момент их вступления.

Чистое небо оказалось усеяно звездами. Луна сияла чернотой, словно огромная сверкающая жемчужина. Наилучшее время для творения доброй магии.

Я заметила, что деревья во дворе высажены в виде круга. Колдуньи выстроились внутри окружности, в центре которой возвышался каменный алтарь со свечами и благовониями. Мод замерла у алтаря и жестом указала, что мне следует преклонить колени перед ней. Дул легкий ветерок, и хотя при мысли о тайных ритуалах мне всегда представлялись непроходимые, густые лиственные леса, в высоких пальмах и свежем бодрящем воздухе ощущалось нечто правильное.

Мне потребовалось время, чтобы решиться присоединиться к ковену. Миз Тервиллингер не единожды заверяла меня, что мне не надо будет приносить клятвы верности какому-нибудь первобытному божеству.

– Ты приносишь клятву магии, – объясняла она. – Клянешься изучать ее и использовать ради блага мира. В принципе, это клятва ученого. В самый раз для тебя.

Он была права. Я опустилась на колени перед Мод, и она начала ритуал. Она посвятила меня стихиям, обойдя вокруг меня со свечкой, символизирующей огонь. Потом она побрызгала водой мне на лоб. Раскрошенные лепестки фиалок изображали землю, а струйки дыма от благовоний – воздух. В некоторых сообществах данную стихию олицетворяет клинок, но, к счастью для меня – не здесь.

Стихии были сутью человеческой магии – так же, как и вампирской. Но, как и у мороев, тут не приветствовали дух. Подобный род магии лишь недавно открыли заново, и им вла-

дело очень мало мороев. Когда я спросила об этом миз Тервиллингер, у нее не нашлось толкового ответа. Максимум, что она смогла, – предположить, что человеческая магия берет начало из внешнего мира, где и обитают материальные стихии. Дух же горит в каждом из нас и потому наличествует всегда и везде. Хотя именно дух является загадкой и для людей, и для вампиров – пользователей магии. Его воздействие непредсказуемо, и потому пугает. И поэтому я иногда лежу без сна по ночам: меня тревожит, что Адриан не в силах держаться в стороне от духа.

Покончив со стихиями, Мод произнесла:

– Принеси свои обеты.

Текст был на итальянском, потому что данный конкретный ковен происходил из средневекового римского мира. Большинство того, в чем я поклялась, соответствовало объяснениям миз Тервиллингер – это было обещание использовать колдовство разумно и поддерживать моих сестер по ковену. Я заранее выучила обеты наизусть и произнесла их без ошибок. Стоило мне открыть рот, как энергия хлынула сквозь меня – приятный гул магии, исходящий от нас. Он был радостным и чистым. Договорив, я подняла голову, и мне показалось, что мир стал ярче. Он исполнился такой чудесной красоты, которую редко замечаешь в обыденной жизни. Теперь я окончательно убедилась, что в магии нет зла – если только вы не приносите его с собой.

– Как ты будешь зваться среди нас? – спросила Мод.

– Иоланта, – отозвалась я. «Иоланта» по-гречески означает «фиолетовый цветок», и оно мне подходит, раз уж Адриан постоянно твердит, что в моей ауре есть проблески фиолетового.

Мод протянула руки и помогла мне встать.

– Добро пожаловать, Иоланта.

А потом, к моему удивлению, она крепко обняла меня. Другие колдуньи с окончанием ритуала вышли из круга и проделали то же самое. Последней была миз Тервиллингер. Она долго держала меня в объятиях, а слезы в ее глазах просто потрясли меня.

– Ты свершишь великие деяния! – с жаром воскликнула миз Тервиллингер. – Я так тобой горжусь – сильнее, чем гордилась бы собственной дочерью!

– Невзирая на то, что я сожгла ваш дом дотла? – сказала я.

Миз Тервиллингер снова заулыбалась.

– Возможно, именно поэтому!

Я рассмеялась, и серьезное настроение уступило место праздничному. Мы вернулись в гостиную. С магией на сегодня было покончено, и Мод заменила чай вином с пряностями. Я его даже не пригубила, но давно снедавшее меня напряжение развеялось. Я была абсолютно беззаботна. И самое главное: сидя рядом с колдуньями и слушая их истории, я чувствовала себя своей здесь – как никогда не чувствовала среди алхимиков.

В сумочке у меня зазвонил телефон – как раз когда мы с миз Тервиллингер наконец-то собрались уходить. На дисплее высветился мамин номер.

– Извините, – произнесла я, – мне нужно ответить.

Изрядно выпившая миз Тервиллингер махнула мне рукой и налила себе еще. Поскольку привезла ее я, ей пока что можно было не торопиться. Я вышла на кухню и ответила на звонок, слегка недоумевая – что понадобилось маме? Мы с ней поддерживали связь, и она знала, что меня лучше ловить попозже, чтобы поболтать. Но когда мама заговорила, по ее голосу я поняла, что она явно взволнована.

– Сидни, ты видалась с Зоей?

Я сразу же напряглась.

– После полудня. Что-то случилось?

Мама вздохнула.

– Сидни, у нас с твоим отцом все кончено. Мы разводимся.

На мгновение все вокруг завертелось, и я прислонилась к столу, чтобы не упасть. Я сглотнула.

– Ясно.

– Извини, – вымолвила мама. – Понимаю, что для тебя это будет тяжело.

Я задумалась.

– Нет... не совсем. Ну, в смысле... пожалуй, не могу сказать, что я удивлена.

Когда-то мама мне заявила, что отец в молодости был куда более добродушным. Мне трудно было такое представить, но ведь мама все же согласилась стать его женой. А потом отец превратился в сухого Ии, упрямого человека. Он с головой погрузился в миссию алхимиков и поставил их организацию превыше всего в своей жизни, включая и дочерей. Он стал суровым, всецело преданным делу, и я давно сообразила, что он воспринимает меня скорее как орудие для творения блага, чем как дочь.

А мама всегда была сердечной и любящей пошутить, она не скупилась на выражения приязни и всегда прислушивалась к нам, когда мы в ней нуждались. Она часто улыбалась... раньше.

– Я знаю, что вам с Карли будет грустно, – сказала она. – Но это не слишком отразится на вашей учебе, хотя...

Я обратила внимание на то, как она подбирает слова. Вам с Карли.

– А Зоя...

– Зоя – несовершеннолетняя, и хоть она и уехала из дома по этим вашим алхимическим делам, за нее все еще официально отвечают родители. Или родитель. Твой отец намерен оформить опеку на себя, чтобы у него была возможность оставить Зою там, где она сейчас находится. – Мама помолчала. – Я собираюсь бороться с ним. И если я выиграю, я заберу Зою к себе и постараюсь, чтобы она смогла вести нормальную жизнь.

Я была ошеломлена. У меня в голове не укладывалась та борьба, о которой говорила мама.

– А это обязательно – все или ничего? Нельзя оформить опеку на двоих?

– Оформлять опеку на двоих – то же самое, что отдать ему Зою. Он установит контроль над ней – в смысле, психологический, – а я не могу такого допустить. Ты взрослая. Ты можешь выбирать сама, и даже если ты решишь следовать за алхимиками, ты относишься к ним совсем не так, как Зоя. Ты – это ты, а она похожа...

Мама оборвала себя на полуслове, но я уже догадалась, что она имела в виду. «Она похожа на него».

– Если я грамотно оформлю опеку и заберу Зою домой, я отправлю ее в обычную школу и хоть отчасти смогу дать ей возможность побыть нормальным подростком. Если еще не поздно. Наверное, ты меня ненавидишь – ведь я отрываю ее от вашего дела...

– Нет! – поспешно ответила я. – Я думаю... у тебя возникла отличная идея.

Господи!

Я услышала, как мама кашлянула, и решила, что она сдерживает слезы.

– Нам надо обратиться в суд. Никто не собирается заводить речь об алхимиках, даже я, но там будут обсуждать соответствие требованиям и характеры. Зоя будет давать показания... и вы с Карли тоже.

Теперь до меня дошло, почему мама говорит, что развод создаст трудности для нас.

– Вы хотите, чтобы мы выбирали между вами.

– Тебе нужно будет сказать правду, – твердо отчеканила мама. – Что на уме у твоего отца, мне неизвестно.

Зато я знала мотивы отца. Он захочет, чтобы я возвела поклеп на маму, заявила, что ей нельзя доверять ребенка, что она – домохозяйка, подрабатывающая ремонтом автомашин.

А еще – что ее сравнивать нельзя с таким солидным научным сотрудником, как он, способным обеспечить Зое наилучшее образование и развитие.

– Я приму все, что ты сочтешь правильным. – От мужества в голосе мамы у меня разрывалось сердце. Она будет бороться не просто с семейными трудностями. У алхимиков длинные руки. Проникают ли они в судебную систему? Вполне возможно. – Я просто решила тебя предупредить. Я уверена, что отец тоже побеседует с тобой.

– Да, – мрачно отозвалась я. – Наверняка. А сейчас-то что? С тобой все в порядке?

Даже если не вспоминать о Зое, развод меняет все мамино существование. Пускай даже сейчас жизнь в браке стала мучительной – но они прожили вместе почти двадцать пять лет. И отказаться от этого – серьезная вещь, какими бы ни были сопутствующие обстоятельства.

Я почувствовала, что мама улыбается.

– Не волнуйся. Я остаюсь с подругой. И еще я заберу с собой Цицерона.

Я представила себе, как мама похищает нашего кота, и, не выдержав, расхохоталась, невзирая на печальную тему разговора.

– По крайней мере, у тебя будет компания.

Мама тоже засмеялась, но как-то болезненно.

– А моей подруге нужно починить машину, поэтому все счастливы.

– Я рада, но если тебе что-нибудь будет нужно – деньги или еще...

– Не беспокойся. Береги себя – и Зою. Вот что сейчас самое важное. – Мама заколебалась. – Я с ней не разговаривала... Как она?

Сложный вопрос. Зоя пребывала в восторге от того, что ее в столь юном возрасте прилекли в организацию алхимиков, но с моими друзьями она держалась холодно и заносчиво – как и остальные члены нашей организации. И вообще, она торчит, как бельмо на глазу, и мешает моей личной жизни.

– У нее все отлично, – заверила я маму.

– Вот и хорошо, – отозвалась она с ощутимым облегчением. – Замечательно, что ты с ней. Не знаю, как она перенесет новости.

– Я уверена, что она справится.

Конечно же, я соврала, но я не могла выложить маме правду – ведь если она заберет Зою, та будет отбиваться и вопить.

Глава третья

Адриан

То ли Сидни тоже позвонили родители, то ли ей пришлось откачивать Зою, но к тому моменту, как я навестил Сидни во сне, она уже знала о разводе.

Те немногие пользователи духа, которых я знаю, являются неплохими целителями, но никто из них не умеет врываться в сны так хорошо, как я. Значит, я хоть в чем-то превосхожу других. Для этого требуется на удивление низкий уровень духа – просто ровный фон, а не вспышка, которой требует исцеление. Есть, однако, и обратная сторона. В отличие от моего спящего собеседника, я на самом деле бодрствую. Попробую объяснить. Я впадаю в медитативное состояние, потому, если сон продлится долго, я могу изрядно вымотаться. Впрочем, у меня всегда были с этим проблемы, и, пожалуй, особой разницы нет.

Я отыскал Сидни во сне около полуночи и создал для нас одно из ее любимых мест – внутренний двор виллы Гетти, музея античной истории в Малибу. Сидни кинулась ко мне, сама не своя.

– Адриан!..

– Я в курсе, – сказал я, взяв ее за руки. – Я был там, когда Зое позвонили.

– А она рассказала, что там еще за гадости?

Я приподнял бровь.

– Еще хуже развода?

Сидни сообщила мне о назревающей бойне в суде. Я высоко оценил стремление ее матери обеспечить Зое хотя бы подобие нормальной жизни, хотя я желал ей победы из самых эгоистических соображений. Если Зоя исчезнет из Палм-Спрингс, для нас с Сидни все станет настолько легче! Но я понимал, что Сидни сейчас переживает из-за распада семьи, а я заботился о ее счастье. Но часть истории особенно меня заинтриговала.

– Ты вправду считаешь, что твой отец может через алхимиков повлиять на судью? – спросил я.

Никогда не задумывался о таком варианте, но ничего сверхъестественного в нем не было. Алхимики могли сделать фальшивые документы, поместить группу дампинов и мороев в частную школу, чтобы никто не обратил на них внимания, и не позволить просочиться известиям о мертвом стригое в прессу.

Сидни покачала головой и присела на край фонтана.

– Понятия не имею. Возможно, этого не потребуется, если Зоя упрется и заявит, что хочет быть только с отцом. А как разбирают подобные дела – я не представляю.

– А что ты собираешься делать? – спросил я. – Что ты будешь говорить?

Сидни твердо встретила мой взгляд.

– Я не буду клеветать ни на кого из них. Но как мне себя вести? Вот тут надо подумать. Я поддерживаю точку зрения мамы и даже верю в нее. Но тогда Зоя навсегда меня возненавидит... Вдобавок я поскандалью с отцом и алхимиками. – По губам ее скользнула горькая улыбка. – Когда я вечером вернулась в общежитие, Зоя даже меня ни о чем не спросила. Для нее само собой разумеется – что я на стороне отца.

– И когда суд?

– Не сейчас. Еще даже не назначили дату.

Сидни замолчала, и я решил, что надо бы сменить тему.

– Как прошла инициация? Были пляски голышом и жертвоприношения животных?

Улыбка Сидни потеплела.

– Нет, только чай и объятия.

Она вкратце описала мне ход событий, и я невольно расхохотался, представив себе Джеки, перебравшую вина. Впрочем, свое тайное имя Сидни мне не сообщила, как я ни пытался его выведать.

– Надеюсь, хотя бы не Джетта? – с надеждой поинтересовался я. Когда мне требовалось назваться чужим именем, я представлялся как Джет Стил, потому что псевдоним звучал чудовищно.

– Нет, – усмехнулась Сидни. – Точно не Джетта.

Потом она захотела узнать, как прошел мой вечер. Она, конечно же, переживала, что без нее все останутся голодными! Мы с Сидни проговорили долго, и хотя мне трудно было отвлечься от ее безукоризненных губ и от выреза ночной рубашки, я поймал себя на том, что мне нравятся наши ночные беседы. Я определенно не против наших дневных свиданий, но Сидни пленила меня своим умом.

Как обычно, о времени первой вспомнила Сидни.

– Адриан, пора в кровать!

Я подался к ней.

– Это приглашение?

Она легонько оттолкнула меня.

– Ты знаешь, о чем я! Ты в плохой форме, когда устаешь.

Вот вежливый способ намекнуть мне, что утомление делает меня уязвимым для атак духа на мой рассудок. С этим не поспоришь! Еще по беспокойству во взгляде Сидни я мог утверждать, что она не в восторге от того, что наш общий сон связан с духом.

– А завтра тебе удастся удрать?

С выходными у нас были сложности, потому что Зоя ходила за сестрой по пятам.

– Я посмотрю, получится ли... о Господи!

– Что?

Сидни прижала руку ко лбу и застонала.

– Прыгун! Я забыла его у той колдуньи! Он шнырял под мебелью во время чаепития, а потом позвонила мама, и я сразу ушла вместе с миз Тервиллингер!

Я взял ее за руку и крепко сжал.

– Не переживай. Он будет в порядке. Шальная ночь в городе, загул с женщиной постарше. Лапочка!

– Я очень рада, что ты им гордишься, как папочка. Но как теперь забрать его домой? Может, мне и удастся сбежать к тебе, но у меня точно не будет времени доехать туда. И миз Тервиллингер наверняка тоже занята.

– Эй! – слегка возмутился я. – Если и ты, и Джеки заняты, значит, все пропало? Я его спасу. Если он захочет оттуда уходить.

Сидни просияла.

– Здорово! Но у тебя же домашнее задание.

Я предложил сущий пустяк, не требующий никаких усилий, и, когда я увидел, как много это значит для Сидни, на душе у меня потеплело. Сидни часто вынуждена нести ответственность за нашу компанию и сама улаживает каждую мелочь, и ее просто потрясло, что кто-то может быть у нее на побегушках.

– Ничего страшного. Надеюсь, визит вампира не шокирует леди-колдунью?

– Нет. Только не увлекайся ролью родителя.

Сидни чмокнула меня, а я ловко привлек ее к себе и затянул поцелуй. Когда мы наконец оторвались друг от друга, то оба задыхались.

– Спокойной ночи, Адриан, – многозначительно произнесла Сидни.

Я понял намек, и сон вокруг нас померк.

Вернувшись в свою квартиру, я позволил себе свою единственную на день порцию спиртного в надежде, что это поможет мне быстро заснуть. Увы, я ошибся. В прежние времена мне требовалось не меньше трех порций, чтобы погрузиться в пьяное забытие. И теперь я не мог выпустить из рук бутылку водки, потому что хотелось налить еще. Мне отчаянно не хватало спиртного. Помимо кайфа, алкоголь давал мне возможность притупить дух, и хотя зависимость от магии приятна, отдохнуть от нее тоже не помешает. Самолечение позволяет годами блокировать многие побочные эффекты духа, но он уже начал отвоевывать позиции.

Через несколько секунд я оторвался от бутылки и стиснул кулаки. Я подошел к кровати, бросился на нее плашмя и зарылся лицом в подушку. От подушки слабо пахло жасмином и гвоздикой, ароматическим маслом, которое я недавно купил для Сидни. Она не была особой поклонницей парфюмерии и утверждала, что химические вещества и спирт не полезны для здоровья. Однако она не возражала против этого исключительно натурального купаж. Кроме того, она знала, сколько он стоит! Сидни слишком прагматична, чтобы позволить таким вещам пропадать впустую.

Я зажмурился. Если бы она сейчас была со мной! Даже не ради секса, но ради уюта, который она приносила с собой. Если учесть, как опасны наши краткие дневные встречи, нам, пожалуй, не скоро еще удастся провести вместе ночь! Возмутительно! Мне наверняка спалось бы лучше, если бы Сидни была рядом. И меня раздражал подобный расклад, потому что физически я действительно вымотался, но взбаламученный рассудок отказывался успокаиваться.

В конце концов, через полтора часа я отключился – а еще через четыре часа меня разбудил звонок будильника. Я тупо уставился в потолок. Может, отменить деловое randevu с однокурсницей – мы договорились поработать над одним проектом. И чем я только думал? В субботу в восемь утра! Наверное, я свихнулся куда сильнее, чем опасался.

Мы встретились в кофейне. В отличие от моей прелестной второй половинки, у меня не было ограничений по кофеину, и я заказал огромную порцию фильтрованного кофе. Барриста заверил меня, что сделает все наилучшим образом. Однокурсница, сидевшая в дальнем углу, явно потешалась, наблюдая за мной.

– Привет, солнышко. Рада видеть твой ясный взор и готовность начать день.

Я уселся и предостерегающе вскинул руку.

– Прекрати немедленно. Требуется еще как минимум одна такая порция, чтобы ты стала обаятельной и остроумной.

Она ухмыльнулась.

– Я всегда такая, в любое время дня и ночи.

Мы с Ровеной Кларк познакомились в первый день занятий в нашем смешанном классе. Тогда я плюхнулся за парту и заявил:

– Можно к вам присоединиться? Думаю, что изучать искусство лучше в обществе шедевра.

Хоть я и влюблен, я все равно остаюсь Адрианом Ивашковым.

Ровена бесстрастно взглянула на меня.

– Давайте объяснимся сразу. Я чую фальшь за милю, и мне нравятся девушки, а не парни. Поэтому, если ты не можешь общаться со мной без глупостей, лучше перетаскивай свои шуточки и гель для волос в другое место. Я пришла в школу не за тем, чтобы трепаться с красавчиками вроде тебя. Я хочу получить диплом художника и с ним, авось, работу получше. Кстати, после занятий я предпочитаю «Гинесс».

Я придвинул свой стул поближе к парте.

– Мы с вами прекрасно поладим.

И мы действительно отлично поладили, до такой степени, что даже объединились для совместного проекта по уличной скульптуре. Нам следовало отправиться в кампус, чтобы

поработать над ним, но сперва требовалось закончить эскиз, над которым мы начали трудиться в пабе, несколькими днями раньше. Я отказался от вечерней порции спиртного, чтобы иметь возможность выпить пива с Ровеной. В принципе, напиток на меня не подействовал, ну а Ровена оказалась легковесом. Так что, эскиз наш далеко не продвинулся.

– Засиделся на вечеринке? – поинтересовалась теперь Ровена.

Я надолго припал к кружке с кофе, чувствуя легкую вину: представляю, как захлебнулась бы слюной Сидни, если бы видела меня сейчас.

– Вроде того. – Я зевнул. – А на чем мы остановились?

Ровена достала наш эскиз. Это оказалась бумажная салфетка с надписью: «Тут будет эскиз».

Я хмыкнул.

– Многообещающе.

После часа обсуждения идей мы решили сделать модель монолита из фильма «2001: Космическая одиссея» Кубрика, а потом расписать его рекламными лозунгами и интернет-жаргоном. Если честно, я считаю фильм нудным, но Ровена сказала, что это – символ достижений эволюции и творение гения. Кроме того, наш творческий проект иронически продемонстрирует, куда зашло наше общество. Я согласился, потому что решил, что от меня не потребуются больших усилий. Я серьезно отношусь к обучению живописи, но это задание было обычной рутинной.

Изрядная часть дня была потрачена на то, чтобы раздобыть все необходимое. Ровена позаимствовала у кого-то из друзей пикап, и мы отправились в строительный универмаг в надежде отыскать бетонный прямоугольник для нашего монолита. Нам повезло, и мы даже обнаружили несколько блоков поменьше, чтобы положить их в основание.

– Мы можем сделать кольцо, – объяснила Ровена. – И нарисовать различные стадии эволюции. Обезьяна, пещерный человек, и так до хипстера, набирающего смс на смартфоне.

– Мы произошли не от обезьян, – поправил ее я, пока мы боролись с прямоугольником, укладывая его на поддон тележки. – Самый древний из предков человека называется австралопитек.

Я не слишком подкован в теории эволюции, и щекотливую тему я определенно не собирался поднимать.

Ровена выпустила блок и уставилась на меня в изумлении.

– А ты откуда это знаешь?

– Ну, я однажды упомянул про происхождение от обезьян, и моя девушка э-э... кое-что сказала по этому поводу.

На самом деле «кое-что» было лекцией по антропологии, занявшей примерно час.

Ровена расхохоталась и подняла блок поменьше. Они тоже были увесистыми, но с ними можно было справиться поодиночке.

– Скорей бы познакомиться с твоей мифической девушкой. Хочется понять, кто способен тебя терпеть! Давай я возьму Касси, и мы сходим куда-нибудь, посидим, выпьем.

– Она не пьет, – поспешно сказал я. – И в любом случае, ей восемнадцать. Почти девятнадцать.

Я вдруг осознал, что день рождения Сидни стремительно приближается – он в начале следующего месяца, февраля, а у меня ничего для нее нет. После того как я разорился на пластинки, у меня осталось денег в обрез до следующего поступления от отца – а оно бывает в середине месяца.

Ровена ухмыльнулась.

– Что, любишь молоденьких?

– Эй, чего здесь незаконного?

– Ничего не желаю знать про твою отвратительную сексуальную жизнь. – Ровена взгро-
моздила на тележку очередной блок. – Рванем в «Денни» или еще куда-нибудь. И если ты ее
не приведешь в обозримом будущем, я буду считать, что ты ее выдумал.

– Я б не сумел, даже если бы старался! – торжественно провозгласил я. Но в глубине
души я ощутил сожаление. Я бы с удовольствием сходил на двойное свидание с Ровеной и ее
девушкой. Я был совершенно уверен, что Сидни вполне поладила бы с Ровеной. Правда, они
бы наверняка объединились и безжалостно дразнили меня. Но вместе появиться на публике
нам не светит – если только мы не отправимся вечером в город с хранителями.

Мы привезли наши бетонные изделия в кампус Карлтон-колледжа и принялись за тита-
ническую задачу – перетащить груз на аллею, которую нашему классу разрешили исполь-
зовать. Несколько наших одноклассников уже вкалывали там, и они помогли нам дотащить
основной блок, что значительно упростило нам жизнь. Хоть ей и было далеко до моно-
лита из фильма, весила она наверняка тонну. В результате нам осталось перетащить блоки
поменьше, и на время работы наш разговор заглох. К вечеру мы устали и радовались, что
дело почти закончено. Рисование оставили на завтра. Это было специальностью Ровены,
и мы хотели взяться за проект со свежими силами. Было прохладно, но ясно. Я невольно
и быстро согласился на утро, чтобы избежать самого противного света. Скоро я вызволю
Прыгуна от колдуньи и отправлюсь домой с надеждой, что Сидни удастся выбраться.

Когда все блоки очутились на поддоне, Ровена решила расставить их идеально. Меня
это не волновало, и я принялся набивать Сидни смс на Любовный телефон. Я хотел сообщить
ей, что мое художество – ерунда по сравнению с сиянием ее красоты. Она написала в ответ:
«Закатываю глаза». На что я ответил: «Я тоже тебя люблю».

– Можно сделать так, – бормотала Ровена, водружая три блока друг на дружку. – Мини-
монолиты.

– Как тебе будет угодно.

Но Ровена снова передумала и принялась снимать верхний блок. Что произошло после,
я толком не понял. Думаю, неудачно повернулась. В общем, блок выскользнул и рухнул,
придавив руку Ровены к плите дорожки.

Ровена пронзительно закричала, и я ринулся к поддону с такой скоростью, что Эдди бы
позавидовал. Я схватил блок и поднял, понимая, что опоздал. Несколько струек духа сооб-
щили мне, что у Ровены сломаны кости. И в эти доли секунды хаоса я принялся действо-
вать. Она травмировала правую руку, и переломы не дали бы ей рисовать до конца семестра.
Ровена творила при помощи акварельных красок такое, о чем я мог лишь мечтать. Нет, я
не мог допустить, чтобы ее искусство оказалось в опасности. Я послал волну духа в тело
девушки, вытягивая собственную жизненную энергию, чтобы восстановить ее кости. Тот,
кого лечат, обычно ощущает покалывание, и, судя по потрясенному лицу Ровены, она тоже
это заметила.

– Что ты делаешь?! – выдохнула она.

Я сосредоточился и пустил в ход принуждение.

– Ничего. Просто убрал блок. Это очень болезненный опыт для тебя, он вызывает заме-
шательство.

Глаза Ровены на миг остекленели, и затем она кивнула. Я отпустил магию, теперь лишь
внезапная пустота внутри свидетельствовала, как много сил я вложил в исцеление и при-
нуждение. Когда мой мозг утихомирился, Ровена принялась баюкать пострадавшую руку,
а нас окружили примчавшиеся однокурсники.

– Ну и ну! – вырвалось у кого-то. – Ровена, ты как?

Ровена скривилась.

– Вроде ничего... ну, в смысле, больно, но не настолько, как сначала.

– Тебе надо показаться врачу, – продолжал настаивать какой-то парень. – У тебя перелом.

Ровена вздрогнула. Видимо, ее посетили те же страхи. Я знал, что теперь ничего серьезного нет, но пришлось подыграть, поскольку предположение было вполне резонное.

– Давай ключи, – сказал я Ровене. – Больница кампуса открыта.

В очереди нас держать не стали, поскольку уронить на руку тридцатифунтовый бетонный блок – это вам не шутки. Но после осмотра и рентгена врач лишь пожал плечами.

– Она в порядке. Наверное, блок не такой тяжелый, как вы думали.

– О, нет! – возразила Ровена, но облегченно вздохнула. Мне даже почудилось, что в ее глазах заблестели слезы. – Все потому, что ты быстро его снял. – Судя по всему, исцеление выветрилось у нее из головы.

– А еще я мужественный и храбрый! – торжественно заявил я.

Ровену отпустили; когда мы уже покидали больницу, появилась ее девушка, Касси. Ровена красива, но Касси оказалась сногшибательной. Она обняла Ровену, и я печально покачал головой.

– И как ты только отхватила такой приз?

Ровена ухмыльнулась мне поверх плеча Касси.

– Говорю же тебе: мой острый ум и очарование всегда в деле.

Мы решили, что закончим работу над проектом завтра, и я отправился к себе. Мир был полон жизни и света, и когда я зашел в квартиру, я буквально плыл по воздуху. Как дух может быть чем-то плохим, если он дает мне подобные ощущения? Они поистине великолепны. Я давно не чувствовал себя настолько живым.

Я наугад вытащил из коробки пластинку. «Пинк Флойд». Нет, не то настроение. Я заменил ее на «Битлз» и с новой энергией принялся за автопортрет. Точнее, за автопортреты. Потому что остановиться я не мог. Краски яростно ложились на холст, я экспериментировал с различными концепциями. Один автопортрет был абстрактным – изображение моей ауры, какой ее описывали Соня и Лисса. Другой получился более достоверным и настолько реалистичным, насколько это возможно, когда ориентируешься на фото в мобильнике – хотя нарисовал я себя в красно-синих тонах. И так далее.

Понемногу энергия начала иссякать. Кисть моя замедлилась, и, наконец, я опустился на диван, опустошенный и измотанный. Я уставился на свои произведения, пять сохнувших полотен. У меня заурчало в животе, и я попытался вспомнить, когда же я ел в последний раз. Может, я уплетал маффин в той забегаловке с Ровеной? Я становлюсь хуже Сидни. Я сунул пиццу в микроволновку, и пока я следил, как она готовится, мои мысли свернули в другое русло.

День рождения Сидни. Как я мог про него забыть? Хотя, нет. Дата намертво отпечатана у меня в памяти. Пятое февраля. Вот чего я не сообразил, так это что надо купить подарок. Я повернулся к ящику стихийно купленных пластинок и посмотрел на них с отвращением. Внезапно я возненавидел их за дыру, которую они проделали в моем месячном бюджете. Сидни была права: дурацкая покупка. Что я мог бы приобрести для нее вместо груды винила – для себя? Я представил себе дюжину роз, отправленных анонимно к ней в общежитие. Или две дюжины. Или даже три. Не менее привлекательной была мысль о бриллиантовом браслете на ее изящном запястье. Изысканном и стильном, разумеется. Ничего нелепого она не наденет.

Подумав о бриллиантах, я вспомнил про запонки тети Татьяны. Проигнорировав писк микроволновки, докладывавшей о готовности пиццы, я рысцой кинулся в спальню. Запонки лежали на прежнем месте, ослепительно сверкая красным и белым в свете люстры. «Продай их, и будут тебе деньги на жизнь», – пошутила Сидни. Не просто на жизнь или на взносы за машину. Я смогу купить ей подарок. И не один. Розы, браслет, романтический ужин.

Нет. Никаких появлений на публике. Эта мысль придавила меня. Я погрузился в размышления о нашем совместном будущем. Есть ли оно у нас? Что у нас за отношения? Мы всегда будем встречаться тайком? Сидни слишком рассудительна, чтобы это могло длиться вечно. Постепенно она поймет, что пора покончить с нашим романом. Покончить со мной. Я положил запонки обратно в коробочку, понимая, что никогда их не продам, и внезапно меня накрыла удушливая волна.

С пользователями духа такое иногда случается. Когда я вернул Джилл к жизни, я едва-едва дополз до кровати. Плата за возможность распоряжаться огромным количеством энергии была велика, и разум получал свою отдачу. Ну, мой, во всяком случае. У Лиссы драматических взлетов и падений не бывало. Ее охватывала более ровная мрачность, и несколько дней, пока та не развеивалась, Лисса ходила унылая и подавленная. У Сони было нечто среднее.

«Мой маленький задумчивый художник, – со смешком говорила тетя Татьяна, когда на меня находило подобное настроение. – Кто сегодня залез к тебе в голову?» Она говорила с нежностью, будто речь шла о чем-то восхитительном. Мне почудился ее голос, привиделось, будто она находится рядом со мной. Судорожно вздохнув, я закрыл глаза и прогнал ее образ. Ее здесь нет. Поцелованные тенью действительно могут видеть мертвых. Чокнутым они лишь мерещатся.

Я съел пиццу, стоя у кухонного стола и твердя себе, что мое состояние пройдет – обязательно. По-другому не бывает. Но до чего же мучительно дожидаться! Когда же марево развеется?

Затем я вернулся в гостиную и посмотрел на картины. То, что выглядело чудесным и вдохновенным, теперь казалось пошлым и дурацким. Полотна выводили меня из равновесия. Я собрал их и кучей сунул в угол, наплевав на невысохшие краски и риск порвать холст.

Потом я забрался в бар.

Я успел приложиться к бутылке с текилой, развалившись на кровати и слушая «Пинк Флойд», когда через пару часов дверь спальни отворилась. Увидев Сидни, я улыбнулся. Текила успешно приглушала дух и смягчала депрессию. Не сказать, правда, что я был весел и энергичен, но мне уже не хотелось забиться в темную нору. Я победил дух, и при виде прекрасного лица Сидни настроение мое поднялось.

Сидни улыбнулась мне и молниеносно оценила происходящее. Она стала серьезной.

– Ох, Адриан! – произнесла она.

Я поднял бутылку.

– Пятое мая, Сейдж, мексиканский национальный праздник.

Ее взгляд бежал комнату.

– Прыгун празднует вместе с тобой?

– Прыгун? А с чего бы вдруг?... – Я осекся. – Ой, я забыл о нем.

– Я в курсе. Мод написала миз Тервиллингер и спросила, собирается ли кто прийти за ним.

– Черт! – После происшествия с Ровеной я напрочь позабыл про питомца-дракончика. – Извини, Сейдж. Но я уверен, что он в порядке. Он же не ребенок. И может, ему и вправду нравится у колдуньи.

Но выражение лица Сидни не изменилось, только сделалось еще печальнее. Она забрала у меня бутылку текилы и отнесла ее к окну. Я поздно сообразил, что она собралась сделать. Сидни открыла окно и вылила остаток наружу. Я подскочил как ужаленный.

– Эй, оно дорогое!

Сидни сурово повернулась ко мне. От ее взгляда я резко затормозил. Он был не гневный. Не грустный. Он был... разочарованный.

– Адриан, ты обещал. Проблема не в социальном употреблении алкоголя. Проблема в самолечении.

– При чем здесь самолечение? – спросил я, хоть и не стал возражать.

– Я знаю тебя и все твои симптомы. Иногда посматриваю на твои бутылки. И сегодня эта сильно опустела – для вечерней порции как-то не годится.

Я чуть было не брякнул, что, строго говоря, опустела бутылка благодаря ей.

– У меня не было выбора, – буркнул я, осознавая, как убого звучит моя реплика. Прямо как мантра Ангелины «я не виновата». – После того, что стряслось.

Сидни водрузила пустую бутылку на комод и присела рядом со мной на кровать.

– Рассказывай.

Я объяснил про Ровену, и про ее травму, и про остальные сегодняшние события. Придерживаться нити повествования оказалось трудно, потому что меня постоянно тянуло пере скакивать с предмета на предмет и оправдываться. Когда я наконец закончил, Сидни нежно погладила меня по щеке.

– Ах, Адриан... – произнесла она печальным тоном.

Я накрыл ее ладонь своей рукой.

– Сидни... – прошептал я. – Это было как тогда с Джилл. Не настолько плохо. Но девушка пострадала. Она нуждалась во мне, и я ей помог – когда она заметила, я позаботился, чтобы она все забыла. Что еще мне было делать? Оставить ее с переломами?

Сидни обняла меня и долго молчала.

– Не знаю. Я понимаю, что ты не мог поступить по-другому. Таков уж ты. Но мне бы хотелось, чтобы ты сделал что-то еще. Что я несу! Я рада, что ты ее спас. Действительно, рада. Но меня беспокоит, что все настолько... сложно. – Она вздохнула. – Нет, не получилось объяснить. Какой я тебе советчик!

– Ты терпеть не можешь, когда не знаешь, что делать? – Я снова положил голову ей на плечо, ощущая слабый запах духов. – И терпеть не можешь, когда я такой...

– Я люблю тебя, – сказала Сидни. – Но я волнуюсь из-за тебя. Ты никогда не думал... я о чем, собственно – Лисса ведь некоторое время принимала антидепрессанты. Ей же они помогли?

Я встрепенулся.

– Нет. Я не могу взять и отрезать себя от магии.

– Но ей ведь полегчало? – не унималась Сидни.

– Ей... да. В некотором смысле. – «Жидкое лекарство» меня не смущало, но мысли о таблетках вызывали у меня отторжение. – У нее прошла депрессия. Она перестала наносить себе порезы. Но она тосковала по магии и потому прекратила принимать таблетки. Ты не знаешь, что это – поток духа. Ты будто дышишь в унисон со всеми существами в мире.

– Возможно, я понимаю тебя гораздо лучше, чем ты думаешь, – возразила Сидни.

– Дело не только в этом. Она перестала принимать таблетки еще и потому, что ей потребовалось вернуть магию, чтобы помочь Розе. Что, если мне понадобится магия? Вдруг ты пострадаешь или будешь умирать? – Я сжал плечи Сидни. Она должна понять глубину моего отчаяния, осознать, как много она значит для меня. – Вдруг ты будешь нуждаться во мне, а я буду бессилен?

Сидни погладила мои волосы. Лицо ее было спокойно.

– Когда-нибудь мы решим наши проблемы, как и большинство людей в мире. Ты ходишь по краю пропасти. Я хочу, чтобы ты был здоровым и счастливым. Я не хочу рисковать твоим рассудком ради вероятности того, что на меня упадет бетонный блок.

– А ты стала бы сидеть спокойно, если бы могла исцелить кого-то?

– Нет. Поэтому я и пытаюсь помочь тебе.

Но я видел, что в душе ее происходит противоборство, и понял ее страхи.

– Никаких таблеток, – твердо заявил я. – И моего промаха никогда не повторится. Я буду стараться. Я сам буду сильнее. Поверь: я смогу справиться самостоятельно.

Сидни заколебалась. Казалось, что она хочет продолжить спор, но затем она кивнула, смиряясь. Она уложила меня на кровать и поцеловала, хоть ей и не нравится вкус текилы. Поцелуй оказался одновременно и нежным, и пылким, и он усилил связь между нами, обжигающее ощущение того, что мы созданы друг для друга. Если бы я мог раствориться в ней, мне никогда бы не потребовались ни алкоголь, ни таблетки.

Но, несмотря на учащенный пульс и огонь в ее глазах, все зашло не намного дальше, чем обычно. И, как обычно, я не давил на нее. Пускай Сидни не согласна с политикой алхимиков, но все же она сохранила множество их привычек. Она продолжала одеваться консервативно. Она не пила. Я не знал, как они относятся к добрачному сексу, но поскольку многие из них вроде бы религиозны, я не удивлюсь, если Сидни унаследовала и эту установку. Мы с ней никогда не обсуждали ничего подобного. Я решил, что, когда она будет готова, она даст мне знать.

– Мне пора, – прошептала Сидни. – Я сказала, что мне надо купить зубную пасту. Это достаточно скучно, чтобы Зое не захотелось меня сопровождать.

Я убрал золотистые пряди с ее лица.

– У Кларенса завтра вечером?

Сидни кивнула.

– Не пропусти.

Я проводил ее до дверей. Сидни внимательно посмотрела на загубленные полотна, но промолчала и постаралась сохранить невозмутимый вид.

– Я честно, – произнес я. – Я буду стараться.

– Конечно, – отозвалась Сидни. Но ее разочарованный взгляд преследовал меня.

– Я могу быть сильным, – добавил я.

Сидни улыбнулась и приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать меня на прощанье.

– Ты уже сильный, – пробормотала она, прежде чем исчезнуть в ночи.

Глава четвертая

Сидни

Я держалась до тех пор, пока не ушла от Адриана и не села в машину. Тогда я заплакала. Я ехала в Амбервуд с мокрыми щеками, и перед глазами все расплывалось. Давно я не чувствовала себя настолько бесполезной. Забыть про Прыгуна – не самое страшное, но что случится в следующий раз? Дух заставляет своих пользователей творить безумства. Они калечат себя. Они убивают себя. Мне было страшно, и я хотела овладеть ситуацией, пока она не овладела нами. И, как пронизательно заметил Адриан, меня грызло то, что я не в состоянии немедленно найти выход. Мне нечасто приходилось испытывать это чувство.

Я не могу помешать духу разрушать Адриана и не могу осуждать Адриана за его глубинное стремление помогать другим. У меня заняло в груди при мысли о его обжигающей доброте, которую мало кто замечал. Все, что я могла сделать, – быть рядом с ним и убеждать не сдаваться. Наверное, он не может побеждать дух всегда, но я уверена, что он способен сопротивляться сползанию к старым привычкам. Должен существовать какой-то менее вредный для здоровья способ выжить, и я твердо верила, что у Адриана достаточно самоконтроля и силы воли, чтобы найти его. Только бы и он в себя поверил!

После усердных поисков я припарковалась в гараже Амбервуда. И почему люди не могут парковаться по разметке? Моя «Мазда» была новенькой и сверкающей, и мне не хотелось ее поцарапать. Мою прошлую машину, коричневую «Субару» по имени Латте, загубили, эффектно залив монтажной пеной – жест любезности со стороны злой колдуньи, охотившейся за миз Тервиллингер. После того как наши ряды пополнили Нейл и Зоя, алхимики заказали на замену Латте семиместную машину. Эта СХ-9, прозванная за расцветку Ртутью, была самым восхитительным внедорожником, какой мне удалось найти. Адриан заявил, что мне остался один шаг до превращения в мамочку из пригорода на мини-вэне.

К тому моменту, как я добралась до своей кровати, я успокоилась, но пару раз шмыгнула носом в подушку. Из темноты донесся голос Зои – а я-то думала, она спит.

– Ты переживаешь из-за мамы и папы?

– Да, – соврала я.

– Не волнуйся, – сказала Зоя. – Они не заберут меня у него.

Я притворилась, будто сплю.

На следующее утро я взяла себя в руки, отчасти потому, что передо мной встала новая задача. Миз Тервиллингер, верная, как обычно, своему слову, договорилась на середину дня о визите к Инес, той самой колдунье, о которой все отзывались с весельем и робостью. Зое я заявила, что мне надо поработать в университетской библиотеке Сан-Диего.

– Чего ты вечто занимаешься с ней какой-то ерундой? – спросила Зоя. Она застыла перед зеркалом, собирая свои длинные волосы в хвост.

– Она моя преподавательница, и это – часть моего учебного проекта. – Я пошарила в шкафу, размышляя, что надеть, и задержала взгляд на фиолетовой футболке с серебряным сердцем в кельтском стиле, из которого поднимались языки пламени. Ее сделал для меня Адриан – можно сказать, в шутку, но она стала одной из самых ценных моих вещей. – Кроме того, почти все я уже прошла с папой. Остался единственный интересный курс.

– Может... – Судя по голосу, мне не удалось убедить сестру, но вдруг она просияла. – Ты же скажешь им? Ну, в суде. Какое глубокое образование нам дал папа. Это подействует!

– Наверняка. – Я натянуто улыбнулась, закрыла ящик с футболками и принялась искать что-нибудь официальное. Я мало что знала про Инес, но раз она почтенная старейшина, нужно выказать ей уважение. Я выбрала черную юбку-«карандаш» и белую рубашку

с длинным рукавом, в мелкую точечку. Единственным украшением был деревянный крестик с нарисованными на нем пурпурными выюнками – подарок Адриана.

Зоя нахмурилась.

– Ты так поедешь в библиотеку?

– Она – не простая, а престижная, – уклончиво заметила я. – Я собираюсь вернуться, чтобы вместе с тобой заскочить к Кларенсу, но если не получится, тебя заберет Эдди. Меня подбросит миз Тервиллингер, так что можешь взять Ртуть.

– Слава богу! – содрогнувшись, отозвалась Зоя. – Ты не представляешь, что творилось в машине Адриана! Мне пришлось сидеть вплотную с Джилл!

Прожив месяц в одной комнате с Зоей, я приобрела прекрасный иммунитет к ее высказываниям и обнаружила, что проще всего вообще не реагировать, даже если высказывания являются экстремистскими даже по меркам алхимиков.

– Не забудьте купить еду.

– Мы не обязаны им напоминать! – возмутилась Зоя.

– Мы обязаны обеспечить, чтобы Джилл добралась к Кларенсу и чтобы все шло без перебоев. «Семейные ужины» – хороший способ снять напряжение и мирно сосуществовать. Несложно что-нибудь прихватить по дороге. Загляните в китайский ресторанчик, – решительно подытожила я. – Они давно там ничего не брали.

А еще Адриан на днях сказал, что соскучился по цыпленку кунг-пао.

– Тебе никогда не хотелось машину покруче? – вдруг спросила Зоя.

Я рассмеялась.

– Хотелось, но сейчас наш выбор определяет задание. Уж не знаю, что ты думаешь насчет автомобилей.

Зоя уселась на кровать, и на губах ее заиграла озорная ухмылка.

– Эй, я выросла там же, где и ты! Помнишь, как мама ремонтировала тот «Ягуар»? Вот это была крутая машина!

– Конечно. – Я внимательно взглянула на сестру, и у меня потеплело на душе. – Но тебе же тогда было... сколько? Восемь лет? Девять?

– Достаточно, чтобы мне захотелось научиться водить. Я тихонько пробиралась в гараж по вечерам и сидела в салоне «Ягуара». Я думала, что об этом никто не знает, но теперь мне кажется, что мама меня раскусила.

Зоя слабо улыбнулась, и я затаила дыхание. Отец не полностью контролирует ее! Есть ли шанс, что она не оттолкнет маму и слушание дела пройдет без перебоев?

А может, Зоя когда-нибудь станет считать мороев и дампилов людьми? До этой секунды, когда передо мной предстала та сестра, которую я помнила и любила, мне и в голову не приходило, что существует возможность повлиять на ее взгляды – по многим вопросам. С самого приезда Зои я ходила вокруг нее на цыпочках, кивала и цитировала устав алхимиков. Существует ли способ договориться с ней? Я не смела и думать об этом и не собиралась торопиться, чтобы не уничтожить момент доверия. Я просто кое-что запомнила на будущее и придала себе невозмутимый вид.

Вскоре миз Тервиллингер заехала за мной на своем красном «Фольксвагене». На ней были солнечные очки в леопардовой оправе. Через пять минут она притормозила у кофейни.

– Ты до сих пор продолжаешь свое нелепое воздержание? – поинтересовалась она.

– Да, но сегодня я еще не пила. – Понятно, почему миз Тервиллингер непременно здесь остановилась! От долгого ожидания у меня даже руки дрожали.

Миз Тервиллингер вырулила на парковку и покосилась на кофейню.

– Прекрасно!

Я проследила за ее взглядом и ахнула. У входа, прислонившись к стене, маячил Адриан – с двумя стаканами кофе! Он выпрямился, улыбнулся нам и зашагал к машине.

– Это же Адриан! – глупо произнесла я.

– Да, я в курсе, – подтвердила миз Тервиллингер. – Он позвонил сегодня утром и спросил, можно ли ему с нами. Инес знакома с мороями, и я решила, что неприятностей не будет. В принципе, это может немного сбить ее с толку, но зато мы получим кое-какую выгоду. Спасибо, дорогой.

Реплика относилась уже к Адриану. Она взяла у него кофе через открытое боковое окно.

Адриан проскользнул на заднее сиденье и вручил мне мою порцию. Меня охватила буря чувств. После вчерашней встречи мне было не по себе – но сейчас, когда я увидела его при свете дня, с ясным взором и с его бесшабашной улыбкой, мне захотелось надеяться, что он справится со всем, как и обещал. Да разве могло быть иначе? Адриан излучал уверенность, лучился обаянием и красотой – всем тем, что привлекло меня прежде, чем я осознала, что происходит. Ни следов похмелья, ни отчаяния. Да, он действительно может все. И сейчас мне очень нужно было поверить в него. Столько было гнетущего, – включая наше совместное будущее, которое казалось невозможным! И такой вот непобедимый Адриан рядом наполнил меня радостью, которую я редко позволяла себе испытывать. Наши пальцы соприкоснулись, когда я забирала у него стакан, и меня словно током ударило. Несколько долгих секунд я смотрела ему в глаза, и когда его дерзкая улыбка смягчилась и сделалась серьезнее, я поняла, что он понял мои затаенные мысли.

– Ты же собирався сегодня разрисовывать ваш монолит, – сказала я, когда мы выехали на шоссе.

– Ровена поменяла расписание. И у меня появилось время сделать тебе подарок, – сообщил Адриан.

– Ага. Я прямо сейчас его пью. Ай!

Сверкающее чешуйчатое существо взобралось по моей ноге и свернулось клубочком у меня на коленях. Держа стакан одной рукой, я погладила Прыгуна по голове и кое-что прикинула.

– Ты, небось, встал ни свет ни заря, чтобы стогнать за ним и вернуться, – сказала я. – Сколько ты спал?

Сияющий образ Адриана немного поблек. Нехватка сна была его врагом.

– Более чем достаточно для эскапады. Слушай, а ведь в Эскондидо стоит огромная статуя Маффлер-мэна. Мы успеем сфотографироваться?

– Мы вообще еле-еле успеваем, – заявила я, подумав о досаде Зои. Но болтовня Адриана и его энтузиазм добавили дороге веселья.

Кстати, даже миз Тервиллингер нравилось его общество, хотя чем ближе мы подъезжали к месту назначения, тем более обеспокоенной она выглядела.

– Как я предупреждала, я не знаю, насколько любезной будет Инес и захочет ли помогать, – сообщила миз Тервиллингер. – Она очень эксцентрична и руководствуется только собственными прихотями. Если ты ей придешься по вкусу, она поделится с тобой информацией. Если же нет... – Миз Тервиллингер пожала плечами. – Возможно, тогда у нас будет время пофотографироваться.

– Повезло! – выпалил Адриан. Но когда я смерила его взглядом, он добавил: – Но, конечно же, все будет отлично.

Когда мы добрались до окраины города, миз Тервиллингер сделала остановку, но не ради кофе, а ради букета бордовых роз. Вернувшись в машину, она сунула попку мне на колени, к испугу Прыгуна.

– Вот, держи, – произнесла миз Тервиллингер. Я кивнула, а заодно превратила Прыгуна в статуэтку. Хватит, довольно он порезвился.

Колдунья-отшельница мысленно ассоциировалась у меня с Кларенсом, и я поразилась, когда мы подъехали к весьма современному особняку в испанском стиле – полной противоположности мрачной готике. Еще более странно смотрелся «Эль камино» со спущенным колесом на подъездной дорожке. По рассказам других колдуний я ожидала чего-то диковинного, эксцентричного, и намеков на нормальность разочаровал меня.

Потом мы зашли в дом.

Обстановка напоминала усыпальницу. Сплошные розы и салфеточки. Ни единого свободного местечка. Это было похоже на миз Тервиллингер: хоть ее прежний коттедж и имущество недавно погибли в пожаре, она менее чем за месяц умудрилась набить свое новое жилье всяким хламом. Но ее вещи были разбросаны, поскольку она не любила их убирать, а здешний хаос, похоже, был устроен намеренно, в соответствии с неким планом. Вазы с шелковыми цветами ровно посерединке салфеток, связанных крючком. Статуэтки щенков с розами в зубах на кружевных салфеточках и изящные чайные чашки с блюдами на салфетках бумажных. И это – лишь начало. У меня возникло странное ощущение, как будто я очутилась в последнем десятилетии девятнадцатого века.

Адриан замер у двери, и я расслышала его бормотание:

– Кроликов не хватает.

– Здравствуй, Инес, – изрекла миз Тервиллингер хозяйке дома. Я вздрогнула и поняла, что не припоминаю, чтобы моя преподавательница так нервничала, общаясь с кем-нибудь. – Ты выглядишь прекрасно, как всегда.

Инес Гарсия оказалась миниатюрной и худенькой, словно феири из полых холмов. Ее белые волосы были заплетены в длинную косу, а очки она носила на длинной цепочке с синими бусинами. Колдунья щеголяла в джинсах с поразительно высокой талией и, конечно же, в рубашке в розах. Прожитые девяносто лет запечатлелись на ее морщинистом лице, но под пронзительным взглядом темных глаз сразу становилось ясно, отчего миз Тервиллингер не по себе.

– Ой, не начинай, Жаклин Тервиллингер! Я знаю, зачем ты здесь. Тебе что-то нужно. Теперь сюда только из-за этого и приходят. Никаких любезностей, никакого чая. Только дай, дай, дай.

Миз Тервиллингер шумно сглотнула и вытолкнула меня вперед.

– Инес, это Сидни Мелроуз. Посмотри, что она тебе принесла.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить про розы, и я вручила их с неестественной улыбкой. Инес настороженно осмотрела их и понюхала каждую, прежде чем одобрительно проворчала:

– Заходите.

Внезапно она уставилась на Адриана.

– Ну-ка, кого вы ко мне притащили? Могли бы сэкономить на цветах – его бы хватило. Давненько я не видала красивого молодого мороя!

– Давненько я не встречал женщину, которая ценила бы розы так же, как я, – ответил расторопный Адриан. – Не то, чтобы мне всегда с ними везло... Но я должен признаться, что никогда не видел столь великолепного вкуса. Вы тоже предпочитаете розовый? Я им говорил, когда они отправились за цветами, но разве меня послушали? Нет. Они настояли на бордовых.

Инес сощурилась и бросила на миз Тервиллингер быстрый, но внимательный взгляд.

– Что за игру ты затеяла? Зачем привела его? Они почти никогда не обращаются к нам за помощью.

– Я здесь не из-за него, – объяснила миз Тервиллингер. – Я из-за Сидни. Моей ученицы.

Инес обдумала ее слова, пока ставила букет в вазу, на которой были нарисованы розы, и позволила нам присесть в своей блекло-лиловой гостиной. В воздухе витал назойливый

цветочный аромат, и я насчитала по меньшей мере три включенных освежителя воздуха, отвечающих за эту гнетущую атмосферу. Инес устроилась в бархатном кресле с мягкими подлокотниками – я уж было решила, что оно свободно от цветочных мотивов, но потом заметила, что его деревянные части украшены резьбой с розами.

– Итак? – Инес принялась внимательно изучать меня. Я скромно присела рядом с миз Тервиллингер на диване. Адриан с удобством разместился на стуле, смахивающем на трон. – Ученица? Хм. А я думала, ты в свободное время выступаешь на форумах сторонников натуральной пищи в защиту семян испанского шалфея. – Глаза старухи вдруг округлились, и я поняла, что она разглядела мою левую щеку. Она тихонько хихикнула. – Ну и дела! Ты храбрее, раз взялась учить одну из них!

– Она очень сильна, – почти оправдываясь, пролепетала миз Тервиллингер.

Инес поцокала языком и взяла чашку. В воздухе разлился запах чая с бергамотом. Я вздохнула. Может, нам его тоже предложат?

– Считаешь меня дурочкой? Я это поняла почти сразу же, как увидела вас. Как тебе такое удалось? Ты не тревожишься из-за сделки с дьяволом, девочка? Или во что там верят алхимики?

Она посмотрела на Адриана.

– Хотя ты должна была преодолеть алхимические комплексы, если приехала в одной машине с мальчишкой на побегушках при Жаклин.

Разумеется, мир вампиров не являлся для Инес загадкой. В конце концов, именно ради этого мы сюда и приехали – чтобы узнать о ее борьбе со стригоями. Кстати, для некоторых колдуний вампиры были чем-то заурядным. Но сейчас я получала совершенно новый и обескураживающий опыт: я общалась с чужаком, который непринужденно относился к мороям.

– Эти руки не для грубой работы, – заявил Адриан.

– Тихо, парень! – прикрикнула Инес. – Пока ты не сделался менее привлекательным! Я кашлянула.

– Я не заключала никакой сделки с дьяволом, мэм. – Только с нахальным, но раздражающе привлекательным вампиром. – Я в основном изучаю заклинания и учусь защищаться.

– Ее подготовка сделала из нее превосходного ученого, – решительно произнесла миз Тервиллингер.

– Ученого! Ха! – Инес отмахнулась от ее слов. – А по-моему – обычная девчонка, которая воображает себя мятежницей и возится с магией. Неважно, насколько она сильна, если она не может сосредоточиться и серьезно заняться делом. У тебя есть кавалер, девочка? Ну да, есть. Тем хуже. У них у всех одно на уме – как бы завалиться на заднее сиденье машины. В мое время подобной проблемы не было. Нас отправляли к наставнице и запирали дверь на замок. Никаких парней. Никаких искушений. Потеряй девственность – ты потеряешь половину своей магии. Я права, Жаклин. – Инес сделала паузу, чтобы перевести дыхание и глотнуть еще чая. Я сосредоточенно рассматривала ее чашку, потому что понимала, что если взгляну на Адриана, то не удержусь и рассмеюсь. – Нет, совершенно бессмысленно возиться с современными детьми, со всеми их смс, реалити-шоу и энергетиками. Она щеголиха, да, но этого недостаточно, чтобы я стала тратить время на нее.

– Вы даже не знаете, что мне нужно! – вырвалось у меня. – И я не девчонка! Мне через две недели будет девятнадцать!

Инес закатила глаза.

– Водолей? Час от часу не легче.

К миз Тервиллингер отчасти вернулась уверенность, и она спокойно встретила пронзительный взгляд Инес.

– Она очень дисциплинирована и достигла больших успехов. Она относится к колдовству весьма серьезно и уже вступила в «Стеллу».

По крайней мере, это ее удивило, и Инес задумчиво уставилась на меня – но все еще не с одобрением.

– Ну, ладно.

– Это только разминка, – встрял Адриан.

Я выразительно взглянула на него, чтобы он не лез со своей «помощью».

– Прошу вас, мэм. Я нуждаюсь в вашем совете. Я слышала, что вы не раз вступали в схватку со стригоями. И победили многих. Мне хотелось, чтобы вы рассказали о ваших... битвах.

Инес фыркнула.

– Я думаю, уж тебе-то известно побольше, чем мне.

– Но не о магической стороне дела, – возразила я. – Как вы сражались с ними?

– Да так же, как и все. Кол, огонь или отрубание головы. Правда, морои не торопились давать нам колы. Но я в свое время сожгла несколько стригоев. Здесь требуется хороший огненный шар.

Ну, здесь особого откровения нет.

– Да, я тоже использовала это заклинание.

Инес насмешливо взглянула на миз Тервиллингер.

– Кажется, у тебя недавно сгорел дом? Надеюсь, вы не практиковались вызывать огненный шар в помещении?

Моя наставница заерзала.

– Нет. Эта честь принадлежит Алисии де Гроу. – Ее голос слегка дрогнул. – Ученице Вероники.

– Той самой, которая принялась беспредельничать, – сказала Инес.

– Именно. Сидни победила ее и спасла мне жизнь.

Инес посерьезнела, и я поспешила воспользоваться моментом.

– Пожалуйста, мэм! Помогите мне! Вы – человек, который действительно ценит знания, и буду очень вам признательна, если вы поделитесь со мной частицей своей мудрости!

– А почему я должна тебе помогать? – парировала Инес. Но я чувствовала, что она заинтригована. Лесть сделала свое дело. – Что ты могла бы предложить взамен.

– Но я подкована в других областях. Я легко починю вашу машину. Я поменяю колесо. Это выбило ее из колеи.

– Но ты в юбке.

– Я предлагаю вам то, что могу. Ручной труд в обмен на мудрость.

– Я не верю, что ты способна на такое, – произнесла Инес через несколько томительно долгих секунд.

Я скрестила руки на груди.

– Как оскорбительно.

– У тебя пятнадцать минут! – рявкнула старуха.

– Мне хватит десяти.

Естественно, Адриан ощутил потребность «присмотреть» за моей работой.

– Ты сильно разозлишься, если я тебе скажу, что ты зажигаешь? – прошептал он, присаживаясь рядом со мной на корточки – но осторожно, чтобы не испачкаться.

Мне было не до него: я оценила состояние запасной шины, и она была не намного лучше спущенной.

– Ты про жару?

Я начала потеть, что не способствовало продуктивному диалогу.

– Ты считаешь, что машина настолько для нее важна, что она согласится помочь? По-моему, в последний раз она выезжала в «большой» мир в экипаже, запряженном лошадьми.

Я достала из багажника у миз Тервиллингер ящик с инструментами. К счастью, он оказался отлично укомплектованным и инструменты подходили к машине Инес.

– Дело не в колесе. Это проверка, доказательство того, что я не какая-нибудь «щеголиха». Думаю, ей просто приятно смотреть, как другие служат на задних лапках. Зато я зарабатываю кое-какой кредит.

Адриан замолчал и молча наблюдал за моими действиями.

– Она сказала правду? Насчет связи девственности и магии.

– Для некоторых заклинаний – да, – ответила я. – Для других – не слишком важно. Некоторые колдуньи из «Стелы» замужем, а миз Тервиллингер до сих пор... скажем так, эффективна.

Адриан прикусил губу. Он явно задумался о том, влияет ли данная информация на мое отношение к сексу. Если честно, это лишь один из многих факторов, которые я учитывала, размышляя, не перевести ли наши отношения на новый уровень. То, что Адриан – вампир, меня заботило мало. А другие вопросы – смутные, вроде того, что надо решиться преодолеть некий рубеж, или специфические, например, будет ли Джилл это видеть – несомненно, влияли на меня. Магия тоже входила в список, но ступенькой пониже.

Сильнее всего на меня влияло непреодолимое стремление к осторожности. Наши отношения сами по себе были безрассудством, и некая часть сознания требовала компенсировать это другими аспектами. При этом нельзя было сказать, что мне не хотелось заняться сексом. Мне хотелось, и хотелось достаточно, чтобы у меня появился секрет, которого не знал даже Адриан: я начала принимать противозачаточные таблетки. У меня не было определенного плана насчет секса. Но моя предусмотрительная часть разумно считала, что лучше подготовиться. Как бы на это отреагировал Адриан, если бы узнал, я не знала.

Я справилась за девять минут. Адриан помог мне подняться и заявил, что, с его точки зрения, моя грязная, потная работа была восхитительна. Мы вернулись в дом. Инес и миз Тервиллингер удобно расположились в лиловато-розовой гостиной с кондиционером. Я не решилась снова сесть на диван и вместо этого устроилась на полу перед Инес.

– Ну что, ты уложились, – сказала Инес. Она удовлетворенно оглядела меня и кивнула. – Задавай свои вопросы.

Я поспешила воспользоваться предоставленным шансом.

– Я слышала, мэм, что на вас нападали стригои и пытались выпить вас, но не смогли. Почему? Что произошло?

– О, это не называется «пытались», – произнесла Инес. Она потрогала шею. – Чудовище меня укусило. Но ты права. Он мало успел выпить, прежде чем распробовал. Когда он понял, что не может меня съесть, он взбеленился и попытался перегрызть мне горло – но я всадила в него огненный шар. – Глаза Инес заблестели, словно она снова увидела перед собой схватку. – Странная штука – укус вампира. В некотором смысле он превосходен. Превосходен, но смертелен.

– Да, знаю, – сказала я, снова удивив Инес. – Одна стригойка пыталась выпить мою кровь, но не смогла.

Инес кивнула.

– Это наша магия. Когда ты ею пользуешься, она остается в крови. Разве Жаклин тебе не рассказывала?

– Э... да, – начала я. – Но при чем тут стригои?

– Магия – это жизнь. Стригой ее лишены. Когда они сталкиваются с ней – например, в морейском зачарованном коле, – она идет против самой их сути. Кол в сердце убивает их. Кровь колдуньи просто неприятна для них.

– Но я не... – Я осеклась, осознав, что хотя и не применяла заклинаний до нападения стригоев, уже начала готовить некоторые из них по заданию миз Тервиллингер. Для них тре-

бовалась простенькая, неосознанная магия – но ее хватило для метки, спасшей мне жизнь. Приняв эту мысль, я продолжила: – Но если магия в крови может причинить им вред, как же они могут пить кровь мороев? Морои, можно сказать, сильнее, потому что их магия всегда с ними, в отличие от нас.

Похоже, мой вопрос понравился Инес.

– Именно потому, что их магия – внутренняя. Она вплетена в кровь и не оказывает такого воздействия на организм стригоев. Наша же магия... – Она замолчала, подбирая подходящие слова. – Наша магия заполняет нашу кровь потому, что мы берем ее из окружающего мира. Нечто подобное происходит с зачарованным колом. Магия входит в него и делает его самым ощутимым оружием против немертвых.

Я уловила мысль.

– Здесь должно быть много тонкостей, в различиях внутренней и внешней магий.

– Мягко выражаясь. – Улыбка Инес сделалась почти что доброжелательной. – Все еще сложнее, если сравнивать магию мороев и магию человеческую. Иногда они ведут себя похоже, иногда – совершенно по-разному. И, конечно же, совсем другое дело, когда они противоречат друг другу.

– Противоречат друг другу? – Что-то в этих словах меня встревожило.

Инес сжала кулаки и соприкоснулась ими.

– Внешнее, внутреннее. Две стороны магической монеты. Иногда они сталкиваются. Вот взять твою татуировку. Алхимики берут кровь вампира и вводят ее с принуждением, так?

Я медленно кивнула.

– Да. Чтобы мы не могли говорить о сверхъестественном с людьми со стороны.

И чтобы не могли еще кое-что делать.

– Так вот, тебя это уже не касается. Гарантирую, что твоя татуировка перестала работать, как только ты занялась магией.

Слова Инес застали меня врасплох, и мир словно остановился.

– Нет... это невозможно. То есть, я так думаю, но клянусь, во мне не произошло никаких изменений. В смысле, тогда...

А вот потом кое-что изменилось.

Пристальный взгляд Инес пригвоздила меня к полу.

– Ты пыталась что-либо сделать? Поговорить о вампирах с посторонним?

– Нет...

– Тогда откуда ты знаешь?

– Я не знаю, но я полагала, что магия татуировки оставалась в силе, пока...

– Пока что? – спросила Инес. Теперь уже и миз Тервиллингера уставилась на меня.

– Месяц назад я отыскала бывшего алхимика Маркуса Финча, который взбунтовался и бежал от своих. Как и я, Маркус считал, что алхимики слишком сурово обращаются с вампирами. Но он зашел дальше, утверждая, что некоторые фракции среди алхимиков сотрудничают с охотниками на вампиров. Маркус заявил, что открыл способ обезвредить магию наших татуировок, освободить нас от принуждения, заставляющего сохранять верность алхимикам и держать в тайне все, связанное со сверхъестественным. Я прошла первую из двух ступеней обезвреживания татуировки – получила инъекции новых чернил, содержащих «сломанную» вампирскую магию стихий. Это якобы освободило меня от изначального принуждения. Вторым шагом было нанесение поверх золотой лилии татуировки из неких чернил цвета индиго, которые Маркус отыскал в Мексике. Он утверждал, что без этого действия алхимики могут восстановить принуждение. Но я отказалась от предложения Маркуса поехать в Мексику, сказав, что рискну обойтись без индиговой татуировки. Я не смогла покинуть Адриана, Джилл и остальных: после такого открытого мятежа для меня уже не было бы возвращения к нынешней жизни в Палм-Спрингс.

Теперь я, коснувшись щеки и сосредоточившись, принялась очень тщательно подбирать слова.

– В эту татуировку введены компоненты, созданные вампирской магией. Если две магии конфликтуют, что произойдет, если в татуировку ввести компоненты, созданные человеческой магией? Которая магия победит?

Очевидно, такого вопроса они не ожидали. Инес нахмурилась.

– В тебе? Конечно же, человеческая. Подобное к подобному – во всяком случае, здесь. Твоя человеческая природа усилит ее.

– Так значит... любые чары или заклинания, созданные чернилами с вампирской магией, можно нейтрализовать новыми чернилами с человеческой магией?

– Да.

Мир снова пришел в движение, но я почти не осознавала этого. Я чувствовала, что стою рядом с чем-то грандиозным. Нужно лишь уловить это. Я буквально ощущала это кожей.

– Чтобы удержать в теле морейскую магию, требуется физическая компонента, – начала я. – В данном случае, чернила из крови вампира. Чтобы удержать в теле человеческую магию, тоже нужны чернила. Требуется ли для них кровь человека?

– Нет, – тут же резко ответила Инес. Она сдвинула брови. – Кровь – хороший носитель для заклинаний, потому что магия тесно связана с телами людей. Поскольку мы берем свою магию из окружающего мира, ее лучше закреплять при помощи какого-нибудь физического состава. Чего-нибудь, взятого из природы.

– Например?

Инес посмотрела на миз Тервиллингер. Как я понимаю, это было редкостным проявлением уважения.

– Трудно сказать. Какая-нибудь вытяжка из растений?

Миз Тервиллингер задумалась, поджав губы.

– Я бы сказала, что-нибудь на основе минералов.

У меня перехватило дыхание.

– Синих?

– Не думаю, что в данном случае цвет имеет значение, – сказала она. – Определенные физические субстанции лучше сохраняют определенные виды магии. Честно говоря, тебе надо покопаться в геологии. Изучить кристаллические структуры, посмотреть, какие из них лучше сочетаются с необходимыми заклинаниями. Это нудная работа. Однако, возможно, тебе она понравится.

– Где я могу об этом разузнать?!

– Книг на эту тему множество, – произнесла Инес таким тоном, словно мне уже полагалось все знать. Она глубоко вздохнула. Впервые за все время нашей встречи на ее лице появилось неуверенное выражение. В конце концов оно сменилось решимостью. – Если на тебя можно положиться, если ты не учинишь с ними какой-нибудь глупости, то я могу одолжить тебе кое-какие мои книги.

Я молитвенно сложила руки.

– Это было бы здорово! Спасибо вам! Большое спасибо!

– Прекрати лепетать! – прикрикнула Инес. – Я сказала «могу». Я еще не дала их тебе. Это очень ценные книги, они передавались в нашей семье из поколения в поколение. Я не какая-нибудь выскочка. Моя семья владела магией на протяжении многих столетий.

– Да, мэм, – тихо произнесла я.

Инес еще немного поколебалась.

– Если ты сможешь до них добраться, то возьми на время. Они на чердаке.

Она кивком указала на лестницу, уходящую к дверце в потолке.

Я вскочила, Адриан приподнялся, чтобы последовать за мной.

– Э нет, красавчик, – осадила его Инес. – Я хочу, чтобы она сделала это сама. Книги в ящике с надписью «Механика заклинаний».

Адриан посмотрел на меня сочувственно, но я только мотнула головой.

– Да, конечно.

По крайней мере, я не на шпильках. Уж как-нибудь я извернусь там на чердаке.

И я действительно там извернулась... но с трудом. Чердак был очень пыльный, а поверх коробки «Механика заклинаний» лежали пять других, тяжелых. Когда я через полчаса наконец-то спустила мое сокровище с чердака, изумленные лица Адриана и миз Тервиллингер оповестили меня, что видок у меня еще тот. Инес одобрительно кивнула.

– Пожалуй, ты мне нравишься, – задумчиво произнесла она. – Можешь приезжать еще. Ты занятая.

Позднее, когда мы уже ехали к Палм-Спрингс, миз Тервиллингер радовалась и сама себе не верила.

– Ты хотя бы понимаешь, чего добилась? Она не только позволила тебе взять на время ее книги – а она, кстати, их никогда никому не давала, – но ты еще и получила от нее приглашение! – Миз Тервиллингер покачала головой и рассмеялась. – Ты не перестаешь меня удивлять, Сидни. Может, оставишь книги у меня?

Большинство моих магических припасов уже хранились там. Теперь, с приездом Зои, их уже нельзя было спокойно держать в общежитии.

– Я оставлю их у Адриана, – машинально ответила я. Миз Тервиллингер ничего по этому поводу не сказала, но я задумалась, не допустила ли я ошибку. Миз Тервиллингер редко задавала вопросы о моей личной жизни, будь то романтические отношения или дела алхимиков, но она не глупа и не страдает склерозом. Может, колдуньи и относятся к вампирам спокойно, но теперь я забеспокоилась: подозревает ли она, насколько глубоки наши с Адрианом отношения? И что она об этом думает?

Адриан, сидевший на заднем сиденье, подался вперед.

– Тебе потребовалось переделать кучу работы ради этих книг. Восхитительно! Но, наверняка у тебя есть гениальный план?

Я отвлеклась от испачканной юбки и позволила себе вновь окунуться в то возбуждение, когда меня озарило после слов Инес.

– Я не уверена, насколько он гениальный, – сказала я. – Но, по-моему, я способна произвести чернила Маркуса.

Глава пятая

Адриан

В течение нескольких дней Сидни провела массу времени на моей кровати. Но, увы, не со мной.

Я так и не понял, каким образом словесная баталия с Инес навела Сидни на мысль изготовить противоалхимические чернила, но я никогда и не претендовал на то, что могу угнаться за ходом ее мыслей. Когда ею завладела та или иная идея, объятия прекратились и на смену им пришла исследовательская работа. Сидни не могла этим заниматься при Зое. Конечно, Джеки позволяла Сидни заниматься всем, чем та пожелает. Но время было ограничено. А наши романтические встречи стали выглядеть несколько иначе.

Я бы солгал, если бы утверждал, что не скучаю по прежним временам, но я хотел, чтобы Сидни сотворила эти чернила. Я недолюбливал Маркуса Финча, но целиком поддерживал его стремление уничтожить влияние алхимиков и их попытки установить контроль за разумом. Сидни не поехала с ним в Мексику, чтобы завершить процесс, поскольку не готова была так радикально изменить жизнь. Кроме того, она считала, что может добиться большего, если будет поддерживать связь с алхимиками. Это достойные причины, но я знал, что еще одной причиной – возможно, самой важной – было то, что Сидни не захотела расстаться со мной.

Кого я пытаюсь обмануть? Я тоже не хотел, чтобы она меня бросила. При этом меня терзали угрызения совести: ведь из-за меня она осталась уязвима, ее могли снова подвергнуть принуждающему воздействию. И я знал, что каждый украденный нами момент близости подвергает Сидни ужасной опасности разоблачения. Хотя Инес и авторитетно заявила, что Сидни уже невосприимчива к воздействию татуировки, поскольку пользуется магией, нам обоим хотелось запечатать ее золотую лилию – на тот случай, если произойдет наихудшее. Но дело было не только в этом. Если Сидни разработает доступный рецепт чернил, нейтрализующих татуировки алхимиков, в руках ее окажется серьезная сила.

Часы исследований были не так уж плохи. Я перетаскивал краски в спальню и работал над треклятым автопортретом, а Сидни сидела у меня на кровати, скрестив ноги по-турецки, обложившись книгами и ноутбуком. Она была так поглощена своими изысканиями, что не замечала, как часто я отвлекаюсь и смотрю на нее. Может, я окончательно чокнулся, но в этом было нечто невероятно сексуальное – смотреть на сочетание задумчивого лица с небрежной позой, наблюдать, как она садится поудобнее и как подается вперед, погружаясь в какой-нибудь особо мудреный текст. Морои избегают солнечного света, но когда я смотрел, как Сидни купается в нем, я твердо понимал, что люди созданы для солнца.

– Болеит, – пробормотала она однажды.

Я оторвал взгляд от холста, на котором пока что не было ничего, кроме единственной зеленой линии.

– Типа как индийская музыка?

– Болеит, а не Болливуд. – Сидни постучала по экрану ноутбука. – Темно-синий минерал. В Мексике есть его крупное месторождение. Я прочитала все о механизмах заклинаний в книгах Инес, и там имеется почти что научный аспект. Сочетание различных минералов и растений создает эффект своего рода стихийных компонентов, которые можно вкладывать в заклинания. Кубическая форма и кубическая сингония кристаллов болеита превосходно позволяют приостановить действие четырех стихий в том виде, в каком они могут быть введены в кожу, и нейтрализовать любую добавленную к этому моройскую магию. Их плотность и сланцеватость тоже играют важную роль.

Я не понял из ее речи ничего, кроме слова «плотность», да и то не факт что понял правильно.

– И каковы же выводы?

Сидни в полном восторге откинулась назад.

– Дело не только в минерале. Маркус считал, что едет в Мексику за материалом, который сам по себе способен победить золотые чернила. Но дело не только в этом. Готова спорить на что угодно: его татуировщик – пользователь магии – заколдовывает болеит, прежде чем добавить его в чернила. Мятежные алхимики пользуются человеческой магией и даже не понимают этого.

Для меня это было уже немного чересчур. Я положил кисть и взял стакан с водой.

– Так ты можешь это сделать? Заколдовать минерал и сделать из него чернила, чтобы запечатать твою татуировку?

– Точно не уверена. Мне потребуется помощь миз Тервиллингер, чтобы разобраться, какое заклинание здесь нужно. Ни одно из записанных не годится, так что придется создать собственное. Я никогда не делала ничего подобного. – Сидни нахмурилась. – И еще вопрос – где взять достаточно болеита. Он тут у нас на дороге не валяется. Может, удастся заказать через Интернет... или подобрать более доступный заменитель... Возможно, еще у кого-нибудь из галогенидов найдутся сходные свойства.

– И ты будешь защищена вдвойне. – Для меня было важно лишь это, а не какой-то геологический жаргон.

– Если я справлюсь, то да. И если Инес права насчет того, что я уже защищена. – Тут ее осенила идея. – Кстати, я могу избавить Маркуса от множества проблем. Он только теряет время на поездки в Мексику. Если я смогу воспроизвести эти чернила, у него будет их запас и он сможет помочь большему количеству людей. Будем надеяться, что он как-нибудь объявится и я смогу поделиться с ним последней новостью.

Я пожал плечами.

– А зачем ждать? Мы найдем его во сне. Мне не очень нравится идея делить сон с ним, но если там будешь ты, я смирюсь.

Лицо Сидни тут же окаменело.

– Нет! Никаких снов сверх необходимого!

– Сидни, ты сама только что заявила, что это может оказаться огромным прорывом, и я, так уж и быть, вытерплю его прическу. Робин Гуд Финч – твоя связь с подпольем. Надо сообщить ему новость.

– Я его просвещу, – упрямо проворчала Сидни. – Сразу, когда увижу. Он всегда возвращался. Тебе не следует расходовать магию духа.

– Подумаешь... Сон – плевое дело, Сейдж.

– Именно. Ты не можешь удержаться от подобных дел – за это я тебя и люблю. Но ты всегда сильно рискуешь.

– Не согласен. Некоторые – не я, конечно, – могли бы сказать, что затея с изготовлением чернил весьма опасна. И алхимики обязательно взбеленятся из-за такого неповиновения. Вдруг они обнаружат, что чернила работают на магии? И даже предполагать не хочется, что они сделают, если узнают обо мне. – Я взмахнул стаканом с водой ради пушкого эффекта. – Ты сильно рискуешь, любовь моя. Если алхимикам хоть что-то станет известно...

– И? – настороженно поинтересовалась Сидни. – Значит, мне следует притормозить?

– Нет, – твердо произнес я, хотя вовсе не испытывал уверенности. В глубине души я мечтал найти способ сделать так, чтобы Сидни ничто не угрожало, но, увы, реальность кусалась. Во всяком случае, сейчас. – Сидни, ведь и ты не можешь остановиться. Так уж ты устроена. А сны духа – это мое дело. – Я кивнул на ноутбук и книги. – Я не способен

выискивать, чего надо, в книгах, и не умею сочинять заклинания, но дай мне сделать хоть что-то. Дай мне почувствовать, что я тоже вношу свой вклад.

Глаза Сидни округлились.

– Ой, Адриан! Твой взнос велик и без твоего дара. Ты... ты не представляешь, как много ты сделал. Ты – величайшая радость всей моей жизни.

– Значит, договорились, – подытожил я. – Проведем селекторное совещание во сне.

Она поежилась.

– Погоди. Каким образом из того, что я тебя люблю, следует, что со сном все будет нормально?

– Доверься логике Адриана Ивашкова. Не пытайся ее понять. Просто прислушайся ко мне.

– Легко сказать!

Я посерьезнел.

– Ты еще не привыкла к той спонтанной и непредсказуемой жизни, какую веду я. Неожиданное является для меня частью естественного процесса. Таково устройство вселенной. А с другой стороны, меня ничто не может удивить.

В глазах Сидни появилось лукавое выражение.

– Спорим, я могу сказать тебе кое-что такое, что ты никогда не предвидел.

– Попробуй.

– Если я тебя удивлю, ты не полезешь в сон?

– Давай сперва проверим, что у тебя.

Сидни мгновение поколебалась, и хотя глаза ее по-прежнему озорно блестели, я понял, что она немного нервничает.

– Я пью противозачаточные средства.

Я как раз собрался сделать глоток воды – и поперхнулся. Лишь прокашлявшись хорошенько, я смог выдохнуть:

– Чего?!

Сидни непринужденно пожала плечами, словно в идее заняться сексом не было ничего особенного. Здесь точно не поспоришь. Она меня поразила, да что там – ошеломила. Можно не сомневаться в ее способностях.

– Они начинают действовать не сразу, поэтому я решила, что лучше подготовиться – на всякий случай.

– На всякий случай, – повторил я.

Сидни уже не нервничала – она потешалась над моей реакцией.

– Ты что никогда не думал об этом?

– Не сомневайся, это постоянно сидит у меня в голове! Но я не знал, что и ты тоже... То есть я полагал, что у алхимиков насчет секса куча принципов: чистота, брак, грех и всякое такое.

– У большинства – да, – подтвердила Сидни. – А я? Я считаю, что любовь и секс связаны с значимостью и обязательствами. Листок бумаги не всегда их подтверждает. Если к делу добавляется грех, оно становится... дешевкой. Ты видишь рядом с собой людей, которые тобой не дорожат, и все обесценивается.

Я замолчал. В основном, секс в моей жизни действительно был дешевкой. Я не помню половины имен девушек, с которыми я спал. Сидни это четко осознавала, но не порицала меня. И она сменила тему на ту, которая вполне соответствовала ее характеру.

– А заниматься любовью – это огромная ответственность. Сейчас в ходу миллион всяких таблеток, и мне пришлось сопоставить массу данных. – Затем она вытащила из сумки – я глазам своим не верил – таблицу под названием «Сравнение оральных контрацептивов». Она была написана от руки, но походила на напечатанную, такие в ней были ровные строчки

и аккуратный почерк. Там имелись разноцветные пометки и колонки с малопонятными терминами типа «эстрадиол» и «андрогеничность».

Я уставился на таблицу, разинув рот, – хотя она была совершенно в духе той Сидни, которую я любил.

– Ты это сама составляешь?

– Если честно, я сделала ее некоторое время назад – и очень быстро. – Сидни посмотрела на таблицу и вздохнула. – А у таблеток столько побочных эффектов! Правда, у многих девочек вообще не бывает никаких проблем, но есть вещи, которые иногда случаются, и их надо принимать во внимание. А некоторые девушки даже набирают вес.

Я пристально посмотрел на Сидни. Это была очень важная уступка. Невзирая на новые привычки, Сидни постоянно беспокоилась о своей фигуре – и совершенно зря. Сидни просто потрясающая!

– Я озадачен, Сидни. Понимаешь, есть ведь и другие варианты безопасного секса. Такие, при которых не требуются таблетки.

– Верно. – Сидни положила схему. – Но о болезнях мы можем не беспокоиться, а этот метод один из самых эффективных – и он позволяет мне контролировать процесс. Врач выписал мне таблетки, от которых реже всего набираешь вес, так что посмотрим.

Я пересел к ней на кровать.

– Пообещай мне, что, если ты что-то заметишь, ты сразу перестанешь их принимать. Я не хочу, чтобы ты пыталась компенсировать их какой-нибудь безумной диетой.

Сидни прищурилась.

– Ты думаешь, я стану это делать?

– Я бы предпочел ничего не выяснять на практике.

– И не дожидаться секса?

– Сейчас же я живу без него, и ничего, – благородно заявил я. – Хотя... чисто из академического интереса... как ты думаешь, когда?..

Сидни рассмеялась и чмокнула меня в щеку.

– Позже. Когда я буду готова. – Внезапно веселье покинуло ее. – И еще есть Джилл...

Я буркнул нечто невнятное, потому что сказать мне было нечего.

Джилл. Она способна заглянуть мне в душу и просканировать меня насквозь – включая и то, что я делаю вместе с Сидни. А Сидни это тоже нервировало, и, конечно, я не мог ее упрекать. Меня не вдохновила идея, что у такого интимного события может оказаться невольный свидетель, особенно если это – неиспорченная, невинная Джилл. Но, возможно, обитание в моей голове немного изменило ее. Я подозревал, что Джилл – главное, что препятствует моему физическому сближению с Сидни. В некоторых вопросах Сидни соглашалась с тем, что Джилл будет в курсе событий. Но не всегда.

И у меня не было для нее никаких доводов «за». Я не понимал, как обойти проблему, и категорически не желал давить на Сидни. Не хватало еще, чтобы она чувствовала себя неловко. Единственное, на что я надеялся, – это то, что мы с Джилл достигнем безупречного уровня самоконтроля и научимся блокировать друг друга. Моя бывшая возлюбленная, Роза, была подобным образом связана с Лиссой, и они постепенно выработали подобный навык... хоть и потратили на все пару лет. Хотел ли я ждать так долго ради Сидни? Сейчас, держа ее за руку и глядя на нее, я точно знал ответ. Да. Только да.

Я улыбнулся Сидни – как я надеялся, подбадривающе.

– Значит, мы не будем торопиться. Получится – отлично. Не получится – ты перестанешь их принимать. Это обычные таблетки, а не обязательства на всю жизнь. Кроме того, есть масса способов занять время.

Сидни снова заулыбалась, и у меня потеплело на сердце.

– Кстати, у тебя на уме способы, которые тоже не для Джилл?

– Отложи книги, и я тебе покажу.

Когда Сидни ушла, мои мысли опять вернулись к Джилл, в основном потому, что сегодня у нас был назначен совместный ужин. Я иногда старался их устраивать. Может, Джилл осведомлена обо всем, что творится со мной, но и мне не хотелось быть дураком. Кроме того, несмотря на наши сборища всей компанией, приятно было посидеть лишь вдвоем. Ну, почти. Порой Джилл покидала школу в обществе Сидни, но все предпочитали, чтобы ее сопровождал кто-нибудь из дампиров. Временами такой подход действовал на Джилл угнетающе, но это было единственное строгое правило, которое я поддерживал. Я присутствовал при том, как убийцы напали на нее. Я видел кровь и знал, когда ее дыхание остановилось. Я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, и я никогда не допущу, чтобы кошмар с Джилл повторился.

И потому на встречах всегда присутствовал Эдди. Я особо не возражал. Эдди – хороший парень, получивший собственную дозу горя и страданий. Он зализал раны, собрался с силами и сейчас терпеливо тянул свою лямку. Он был настоящим, что я очень ценил.

Только на сей раз на тротуаре с Джилл стоял не Эдди.

– Черт! – вырвалось у меня.

Когда Джилл считала мою реакцию, на лице ее появилась плутовская улыбка. Хотя она ответственно относилась к моим мыслям и чувствам, лишь по этому вопросу она со мной категорически не соглашалась.

– Привет, Адриан, – поздоровалась она, залезая в машину. – Нейл решил сегодня прокатиться с нами.

– Ясно. – Нейл уселся на заднее сиденье и кивнул мне в зеркало заднего вида. – А у Кастиля что, свидание?

– Нет, но мы подумали, что Нейлу приятно будет проветриться.

Конечно, на самом деле она намекала на то, что ей будет приятно поехать куда-то с Нейлом. И почему не везет?

– Кроме того, у меня на год больше опыта работы, чем у Эдди, – добавил Нейл. – Поэтому именно мне следует сопровождать ее высочество, когда она куда-нибудь выбирается.

Обычно Джилл злится, когда слышит свой титул, но когда его произносит Нейл, он говорит словно средневековый рыцарь, и Джилл прямо тает.

– Кастиль успешно справился с несколькими сложными ситуациями, – сказал я. – Со сколькими стригоями и наемными убийцами тебе доводилось сталкиваться?

Я наблюдал за Нейлом, и хотя он оставался все тем же невозмутимым крутым парнем, я заметил, как он заерзал.

– Однажды, когда я входил в часть отряда, охраняющего королевскую семью, на нас напали два стригоя, – сказал он.

– Два стригоя против целого отряда стражей? Круто!

Джилл сердито уставилась на меня.

– Нейл достаточно повидал. У него отличная подготовка.

Я великодушно решил перестать изводить ее псевдоувлечение... пока что. Вскоре мое внимание сосредоточилось на битве за парковочное место в центре города со всеми этими автолюбителями, желающими поужинать. Место образовалось, как раз когда я подъехал к симпатичному греческому ресторанчику.

– Адриан Ивашков снова победил! – провозгласил я.

Через пару минут хозяйка заведения провела нас к нашему столику, мы принялись выбирать десерт.

– Свежая пахлава, – прошептала Джилл.

– Да, похоже, – мило согласился я. – Может, мы прихватим немного с собой.

Пахлава была одним из любимых десертов Сидни. Возможно, это повлияло на мой выбор ресторана. Кто знает?..

Я с сожалением отказался от греческой водки узо и спросил Джилл, как идут дела в ее команде по плаванию. Все ученики Амбервуда должны были участвовать в спортивных мероприятиях, и плавание было идеальным вариантом для Джилл, поскольку соревнования проходили в закрытом помещении. Вдобавок ее магической стихией являлась именно вода. Лично я не отношусь к фанатам спорта, хотя матчи Супербоула мне нравятся, особенно если не надо следить за игрой. Я посещал соревнования, в которых участвовала Джилл, и обнаружил, что можно потерпеть взволнованных родителей, чтобы полюбоваться на ее успехи.

Джилл с таким энтузиазмом рассказывала о своих новых достижениях, что я отвлекся от бурь, постоянно бушующих в моем рассудке, – приятное разнообразие! Джилл с трудом приспособилась к Амбервуду, и я радовался как ребенок. Но интерлюдия оказалась загублена, как только Джилл обратила сияющий взор на Нейла.

– Нейл входит в команду борцов. Он потрясающий. Самый лучший. Он выигрывает все состязания.

Я откинулся на спинку стула. Если Джилл сама поднимает щекотливую тему, то я могу докапываться к нему без угрызений совести.

– Само собой. Любой вампир всегда одержит верх над человеком. Физиология...

Нейл, жуящий сувлаки, задумался.

– Пожалуй, да, – пробормотал он, наконец.

– Не очень-то честно, – продолжал я. – У них есть разделение на весовые категории, но вот такие штуки оно не регулирует. Получается, ты соревнуешься с людьми, которые физически не могут за тобой угнаться.

Джилл взглянула на меня предостерегающе.

– Он здесь ни при чем! В Амбервуде не делят команды на людские и вампирские.

– Ты можешь нарочно проигрывать, – сказал я Нейлу.

Юноша побледнел.

– Что?! Нет уж! Это против моего личного этического кодекса!

– А соревноваться с людьми, которые в принципе не способны победить, соответствует твоему кодексу? – парировал я. – По-моему, это серьезное моральное преступление. – Жалко, что Сидни не было с нами. Она бы оценила, как ловко я вернул термин «преступление». – Ладно, поступай, как знаешь... Я тебе не судья, и, честно говоря... – я издал смешок. – Я склонен придавать чересчур большое значение морали. Вот один из моих немногочисленных недостатков.

Но Нейл явно не купился на мою реплику. Он прищурился.

– Должно быть, я кое-что упустил. Расскажи мне поподробней о твоих взглядах на мораль.

Я небрежно взмахнул рукой.

– У нас не хватит времени! Кстати, тебе стоит поболтать с Кастилем. Парень прекрасно понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Чтобы пропустить большинство баскетбольных матчей, он притворился, будто у него растяжение голеностопа, и ему не пришлось решать, этично ли соревноваться с людьми. Безупречная тактика.

Хотя я еще не мог оценить, насколько сильно Нейл интересуется Джилл, я догадался, что он, вне всяких сомнений, рассматривает Эдди как своего главного соперника. Эдди, кстати, отличался соревновательным пылом. Видимо, Амбервуд мог вместить лишь единственного альфа-вампира.

– Ложь – недостойное занятие! – с жаром произнес Нейл.

– Да. Зато скромность весьма достойна похвалы. – Я мечтательно вздохнул, передразнивая Джилл. – Он скорее предпочтет унижительное отстранение от игры, чем завоеует славу, которая ему не принадлежит.

Судя по гневу, вспыхнувшему в глазах Нейла, наша беседа зашла слишком далеко.

– Нейл, – затараторила Джилл. – Пожалуйста, возьми мне еще пахлаву. С грецким орехом. И с фисташками.

Джилл воистину превращалась в мою ученицу. Пахлава с фисташкой не относилась к здешним фирменным блюдам и на прилавке обычно не лежала. Нейлу придется запастись терпением, пока такую отыщут, и это даст нам фору.

– Зараза! – зашипела на меня Джилл, когда Нейл отошел. Он таращился на нас, стоя у прилавка, но, по крайней мере, оттуда он не мог услышать наш разговор.

– Ты ничуть не хуже, принцесса Крошка, – ухмыльнулся я, сопровождая каждое слово взмахом вилки. – Кроме того, Биг Бен женат на своей работе. Ты не сможешь его заполучить. Найди себе принца-морю и отстань от дампинов. От них сплошные проблемы. Ха! И еще, может, ты и одурачила остальных, но на самом деле ты в него не влюблена.

– Да ну? Теперь метафизическая связь возникла у тебя?

– Я в ней не нуждаюсь, – я постучал пальцем по голове. – Мне достаточно посмотреть на ауру. И еще я просто знаю тебя. Что за игру ты затеяла? Зачем ты притворяешься, будто интересуешься им?

Джилл вздохнула.

– Я надеялась, что действительно заинтересуюсь им.

– Типа того, что если хорошо притворяться, то можно убедить себя?

– Примерно.

– Чушь! А в моих устах – вообще серьезное обвинение.

Джилл пнула меня под столом.

– Если я сумею влюбиться в Нейла, тогда я... – Она осеклась, потом договорила: – Смогу перестать думать об Эдди.

Я воздержался от ядовитого замечания, которое вертелось на языке.

– Сомневаюсь, что это поможет. Поверь мне...

– Адриан, я должна что-то сделать. Почему я раньше не поняла, как я отношусь к Эдди!.. Я была душой и упустила свой шанс. А теперь Сидни говорит, что он только и думает, что про честь и долг, и считает, что никакая принцесса не могла бы снизойти до него.

– Да, нечто подобное он и твердит, – согласился я. Если честно, я никогда не слышал этого непосредственно от Эдди, но Сидни однажды поболтала с ним по душам и узнала сенсационную новость. Он был без памяти влюблен в Джилл, хотя упорно все отрицал. Никто из нас не знал, пережило ли чувство период имени Ангелины, но что-то мне подсказывало, что в любом случае его взгляды на рыцарство не изменились.

– Слушай, у меня есть идея. Поговори с Эдди начистоту, – предложил я.

– Это как ты поговорил с Сидни? – насмешливо фыркнула Джилл. – Результат был не очень.

– Сначала – да. – Сказать про первоначальную реакцию Сидни на мое признание в любви «не очень» – сильное преуменьшение. – Но взгляни на меня сейчас – я нежусь в море любви.

Джилл ухмыльнулась.

– Устрой для Сидни ужин. В честь ее дня рождения.

Вот когда хорошо иметь друга, который полностью посвящен в твои жизненные перипетии. Джилл избавила меня от длинных утомительных объяснений. Еще я осознал, что Джилл резко дает мне понять, что не желает обсуждать свои любовные проблемы.

– Это не настоящий подарок. Она заслуживает большего.

– Бриллианты и розы? – Джилл покачала головой. – Адриан! Она же не привязана к материальным вещам. Тебе вовсе не нужно делать эффектный дорогой жест. А ужин, который ты сам приготовишь, – это романтично.

– Ошибаешься. Это кошмар. Шеф-повар из меня никудышный.

– Именно поэтому он понравится Сидни. Она ценит личные усилия – и приобретение знаний. Выясни, как готовится какое-нибудь несложное блюдо, и вперед. Несовершенство умиляет.

Джилл была права, но мне трудно было смириться. Мое ухаживание за женщинами – даже в случае романа на одну ночь – в основном состояло из «эффектных дорогих жестов». Цветы и еще раз цветы. Обед из семи перемен блюд с подобранными к ним винами. Спагетти на кухне как-то не входили в данный список.

– Я подумаю, – уступил я.

Джилл воспряла.

– А если атмосфера тоже будет романтической, вы могли бы...

– Нет, принцесса Крошка. – Я поднял руку. – Проехали.

– Но ты же этого хочешь! – не унималась Джилл. – И она тоже, иначе она бы не составляла ту таблицу.

– Не уверен. С нее станется составить громадную схему в свободную минуту просто развлечения ради. Мы с ней не во всем согласны, но в одном наши мнения совпадают полностью: ты не будешь сопричастна нашей сексуальной жизни. Вопросы есть?

Джилл оперлась подбородком о локоть. Русые вьющиеся волосы упали на ее лицо и окружили Джилл подобием вуали. Великолепная поза для портрета.

– Я чувствую себя ужасно. Ваша любовная жизнь загублена из-за меня. Если бы не узы...

– Ты была бы мертва, – ровным тоном заключил я. – И обсуждать тут нечего. Я совершенно серьезен: я лучше сохраню целибат до конца своих дней, чем допущу в нашу спальню тебя.

Джилл сглотнула, и я понял, что она борется с подступившими слезами.

– Осторожно! – поддел ее я. – Если ты заплачешь, Лондонский Мост решит, что я тебя обидел. И как только мы отсюда выйдем, он мне наkostenяет.

Джилл шмыгнула носом, но улыбнулась.

– Нет, не наkostenяет, но ужин нам испортит. А если мне выпить или еще чего сделать, если вы с Сидни... Чтобы притупить связь с моей стороны.

– Нет! – отрезал я. Нейл уже двинулся в нашу сторону. – И не вздумай! Одного алкоголя достаточно! И перестань переживать. Мы что-нибудь придумаем.

– Что? – спросила Джилл.

– У меня имеется неплохой план.

Джилл знала меня как облупленного и поэтому смирила меня пронизательным взглядом.

– Враль!

Глава шестая

Сидни

Не представляю, сколько я проспала к тому моменту, как очутилась во сне духа. Вокруг меня возник окруженный колоннадой внутренний двор виллы Гетти, и струи фонтана засверкали в солнечном свете. В иной реальности солнце не вредило Адриану. Я огляделась и увидела его – он стоял, прислонившись к колонне, сунув руки в карманы, и лукаво улыбался. На мгновение у меня дух захватило от того, как солнце осветило его скулы и волосы. Адриан выглядел сногшибательно. Он вполне мог занять свое почетное место – прямо здесь – среди собранных на вилле шедевров.

Потом я вспомнила, что ему не полагалось тут находиться.

Я быстро пересекла двор, схватила его и притянула к себе.

– Эй! Что еще такое?! Мы, кажется, договорились: никаких снов!

– Это ты договорилась. Я под внезапной сделкой не подписывался.

– Но я... – Я осеклась и припомнила наш предыдущий разговор, когда я ошарашила Адриана известием о противозачаточных таблетках. Он действительно не говорил, что пропустит сон, если я сумею его удивить. – Ты меня одурачил!

– Ничего подобного. Если уж кто пострадал, так это я – от твоей волнующей новости про таблетки. Как мне теперь жить? – Адриан крепко поцеловал меня, потом поинтересовался: – Принцесса Крошка передала тебе пахлаву?

– Да, но не думай, что ты сейчас отмажешься.

Адриан поцеловал меня еще раз.

– Я уже отмазался.

Наконец нам удалось оторваться друг от друга, хотя Адриан продолжал обнимать меня за талию. На его темных волосах появился каштановый отблеск, а светлая кожа, которая раньше была признаком чего-то пугающего, принадлежащего к другому миру, выглядела бесподобно. Лицо его посуровело.

– Ты готова вызвать Робин Гуда? – спросил Адриан.

Упоминание о Маркусе оторвало меня от чувственных мыслей и напомнило о делах насущных. Адриан мастерски умел отвлекать меня.

– Тебе не следует этого делать! – предупредила я.

– Я уже это делаю, – бодро откликнулся Адриан. – И давай закончим препираться.

Он отпустил меня, и взгляд его устремился вдаль. Он смотрел так сосредоточенно, будто пытался отыскать Маркуса во вселенной снов. С большой вероятностью такой метод мог не сработать. Вдруг Маркус бодрствовал. Или Адриан «потерял его след»... Адриан – лучший ловец снов из всех пользователей духа, но некоторые вещи не по силам даже ему.

Однако через минуту напряженной тишины я заметила мерцающее пятно. Оно увеличилось в размерах и медленно преобразилось в человеческую фигуру – и раз – перед нами предстал Маркус. Он выглядел так же, как всегда: белокурая шевелюра до плеч и ярко-синяя татуировка, перекрывающая поблекшую лилию алхимиков. Он был в замешательстве, и я его понимала. Когда Адриан впервые призвал меня, я думала, что это обычный сон, и лишь потом постепенно я осознала, что происходит нечто сверхъестественное.

– Привет, Маркус. Рада тебя видеть, – поздоровалась с ним я.

Маркус нахмурился, уставился на свои руки, потрогал их, словно думал, что они нематериальны.

– Это все настоящее?

– В некотором смысле, – сказал Адриан.

– Ты – во сне духа, – объяснила я.

На мгновение на лице Маркуса промелькнуло недоверие, но затем глаза его вспыхнули восторгом.

– Ух ты!

Он принялся озираться по сторонам.

– Где мы?

– В Малибу, – заявила я к вящему его изумлению. – А ты где? В Мексике?

Маркус с трудом оторвал взгляд от окружающих зданий.

– Да, но мы скоро возвращаемся обратно. Амелия и Уэйд получили татуировки, а я – сведения о мятежниках в Аризоне, которым я нужен. Сейчас мы ждем парня, который должен помочь нам перебраться через границу. Банальные трудности...

Маркуса алхимики разыскивали с особенным рвением. Они вообще не любили, когда от них кто-то ускользал, а уж тем более когда беглец начинал активно собирать вокруг себя других. И поскольку у алхимиков имелись обширные связи, Маркус передвигался со множеством предосторожностей, особенно в хорошо охраняемых приграничных областях.

Наконец до него дошло, что это не визит вежливости.

– Что случилось? Ты в порядке? – Он сразу решил, что со мной что-то стряслось. При всех его странностях Маркус вполне обоснованно беспокоился обо мне, раз я не поехала с ними.

– Как ни удивительно, да. Я выяснила кое-что, что может быть тебе полезным. – Я позволила себе театральную паузу из репертуара самого Маркуса. – Я смогу сделать чернила, которыми вы запечатываете татуировки.

У Маркуса отвисла челюсть.

– Да ладно тебе!

Адриан фыркнул.

– Она выследила тебя и пробралась в охраняемую базу алхимиков. И ты думаешь, она не может повторить то, что сделал какой-то тип?

Маркус не стал спорить и снова обратился ко мне.

– Ты создала индиговые чернила?

– Не совсем. У меня пока не получается добыть минерал, который наверняка использует твой человек, но я думаю, что знаю парочку других, которые дадут похожий эффект.

– Ты думаешь, – повторил Маркус.

– Минерал значения не имеет. Ну, то есть имеет, но небольшое. Главное – процесс создания чернил, и тут я справлюсь.

Я кое-что скрывала. Я понимала принципы, но еще не испытала их на практике. Я надеялась, что Маркус не станет выпытывать подробности. Раньше он сталкивался со множеством паранормальных явлений, но я не была уверена, до чего меня доведет причастность к магии.

Маркус погрузился в размышления, а потом покаянно улыбнулся.

– Ты у нас гений!

– Спасибо на добром слове, – ответила я, радуясь, что мы продвинулись вперед. – Если мы наладим массовое производство чернил, ты поможешь немало количеству людей. И тебе не придется путешествовать. У тебя появится время, и ты будешь все успевать.

Адриан, благоразумно отодвинувшийся подальше от меня, рассмеялся.

– Маркус не против увеселительных поездок. Пляжи и коктейли, верно?

Маркус сердито покосился на него.

– Ерунда! Кто бы говорил!

Внезапно между ними ощутимо сгустились враждебность и напряжение. Они однажды уже подрались из-за недоразумения, когда Маркус случайно ударил меня. Адриан воспри-

нял тот инцидент плохо, и хотя позже он признал, что допустил ошибку, я догадалась, что происшествие продолжало довлеть над ним.

– Эй, парни, сосредоточьтесь! – прикрикнула я. – Сейчас не время для разборок!

Еще несколько мучительных секунд они смотрели друг на друга в упор, а затем Маркус повернулся ко мне, разжимая кулаки. А я и не заметила, что он их сжал.

– И когда тебе станет известно, действительно ли ты в состоянии сотворить эти чернила?

Превосходный вопрос. Я многое почерпнула за дни своих кратких изысканий, но мне еще требовалось кое-что выяснить. И мне требовалось немало времени, свободного от Зои, чтобы хорошенько поработать. Я предупреждала ее, что ухожу вкалывать над проектами миз Тервиллингер, но понимала, что Зое мои отлучки казались слишком частыми. Возможно, у нее еще не возникло мрачных подозрений, но она вполне могла сболтнуть отцу, что я больше внимания уделяю своей лжеучебе, чем нашему алхимическому делу.

– Неделя или две, – уверенно ответила я и замолчала.

Маркус нахмурился и кивнул.

– Пожалуй, мы примерно тогда и вернемся. Мне нужна кое-какая информация от моего связного. Ты сможешь все выяснить на следующей неделе и просветить меня, Сидни?

Я заколебалась.

– Пожалуй, лучше бы ты позвонил...

– Без проблем, – вмешался Адриан, игнорируя мой пронзительный взгляд. – Если ты будешь спать примерно в это же время, а не уйдешь на вечеринку в виллу с панорамным видом на море.

Адриан был в курсе, что Маркусу обычно приходилось останавливаться в лачугах.

– Отлично, – согласилась я. – Мы будем на связи.

Адриан воспринял это как сигнал отбоя и удалил Маркуса.

– Всегда к твоим услугам.

– Не надо было тебе так поступать!.. Но все равно спасибо. Ты мне очень помог, – призналась я.

Поскольку мы вновь остались одни, Адриан заключил меня в объятия.

– Для тебя – все, что угодно, Сейдж. Загляни ко мне завтра, и я буду вознагражден сполна.

Меня бросило в дрожь, как от самого предложения, так и от того, что рука Адриана скользнула по моему бедру и принялась играть с подолом блузки. В снах все воспринимается как настоящее. Даже чересчур настоящее.

– Не получится, – прошептала я. – Мне надо попросить кое-что у миз Тервиллингер.

Разочарование в глазах Адриана было мимолетным! Я почти поверила, что выдумала его. Адриан изобразил самодовольную улыбку, будто все в мире шло идеально. Так уж он себя ведет, и потому мало кто догадывается о его внутренних терзаниях.

– Полагаю, что в результате у тебя будет часок-другой и ты сможешь грезить обо мне, – заявил он. – Ведь ты, конечно, именно этим и занимаешься втайне, вместо того, чтобы работать.

Я рассмеялась.

– Конечно!

И после страстного поцелуя я очутилась в самом обычном сне.

Когда я на следующий день явилась на занятия к миз Тервиллингер, преподавательница ждала меня с ключами и курткой.

– Сперва «Спенсер», – бросила она. – Такой сегодня день.

– Но у нас сроки поджимают! – запротестовала я. Кроме того, посещение любимой кофейни сделалось для меня мучительным.

– Мы можем поговорить по дороге, – произнесла миз Тервиллингер.

Она сдержала свое слово и по пути объяснила мне некоторые практические аспекты создания заклинаний и манипулирования стихиями.

– Трудно контактировать со стихиями в чистом виде, – пробормотала она. – Одновременно и просто, и бесконечно сложно.

Это походило на описание наших с Адрианом отношений.

Когда мы вошли в «Спенсер», я понадеялась, что увижу за стойкой своего приятеля, Трея Хуареса. Но секунду спустя я сообразила, что сейчас – официальное учебное время и далеко не все покидают школу с такой легкостью, как я. Кроме того, я буквально разрывалась между Адрианом и Зоей, мне было особо некогда разговаривать с Треем. Вдобавок в новом семестре расписание изменилось, и теперь у нас совершенно не совпадали занятия. Не представляю, к добру это было или к худу – перестать общаться с Треем. У него возникли крупные неприятности, частично пересекающиеся с моей жизнью: дело в том, что Трей от рождения принадлежал к сообществу охотников на вампиров.

Они называли себя Воинами Света и заявляли, что их цель – уничтожение стригоев, но, как и алхимики, были невысокого мнения и о морях с дампирями. Сейчас Трея изгнали из их среды, после того как он невольно помог мне сорвать затеянное ими бредовое ритуальное убийство. Сперва остракизм мучил его, в особенности из-за давления со стороны отца. Но затем произошло кое-что любопытное.

Трей влюбился в Ангелину.

Из всех нелепых ситуаций, в которые влипала Ангелина, эта тотчас застала меня врасплох. Драму осложняло то, что официально Ангелина тогда встречалась с Эдди. Парень ответил на ее чувства после того, как решил, что его любовь к Джилл тщетна, поскольку он никогда не сумеет стать достойным ее. Роман Эдди и Ангелины оборвался внезапно, когда выяснилось, что ее дополнительные занятия с Треем превратились в занятия любовью.

Для Ангелины не было ничего странного в интрижке с человеком, поскольку она выросла в общине хранителей. Трей с трудом перенес данную новость – ведь он нарушил почти все заповеди Воинов. А еще он чувствовал себя виноватым перед Эдди. Я не сомневалась, что Трей до сих пор питает некие чувства к Ангелине. А насчет Ангелины – трудно сказать. Она, как и Джилл, вступила в клуб поклонниц Нейла. Адриан утверждал, что обе девушки притворяются, но я еще даже не начинала с ними разбираться.

Сказать, что мои друзья живут в мыльной опере, – еще слишком мягко. На их фоне наш с Адрианом опасный роман кажется совсем уж школьным.

Единственный светлый момент заключался в том, что у каждого имелась система сдержек и противовесов. Трей имел жесткие принципы, конфликтующие с его чувством к Ангелине. Эдди был решительно настроен не влюбляться ни в кого, как и Нейл. И до тех пор, пока Нейл продолжал придерживаться этой линии поведения, Джилл с Ангелиной ничего не могли поделать. Может, было бы неплохо, если бы всем досталась счастливая развязка, но я эгоистически признавала, что мне живется намного проще, когда уровень драматизма невысок.

Трей отсутствовал, но другой барриста был мне знаком. Парня звали Брэйден, и он даже приглашал меня на свидания. Прежде наши отношения казались мне прохладными и ненастоящими, а теперь, когда я была без памяти влюблена в Адриана, я вообще не понимала, как я могла «клюнуть» на Брэйдена. У нас не было ни страсти, ни захватывающих мгновений и, разумеется, никаких прикосновений, от которых я вспыхивала. Вспоминая те дни, я бы сказала, что самым лучшим моментом нашей «интриги» являлся бесплатный кофе и чрезвычайно увлекательная дискуссия о падении Римской империи.

– Привет, Сидни, – поздоровался Брэйден. Мы часто сталкивались здесь, и все было очень культурно, особенно после того, как Трей сообщил, что у Брэйдена – новая подруга.

– Почти такая же умная, как ты, – заявил Трей. – Но не такая симпатичная.

Я улыбнулась Брэйдену.

– Как дела?

– Отлично. Вот после занятий узнал, что мое эссе о психосоциальном значении ассоциативных опытов Павлова принесло мне стипендию. – Он взял чашку. – Диетический ванильный латте?

Я грустно посмотрела на чашку.

– Мятный чай.

– Ну-ну, – произнесла миз Тервиллингер, жестоко заказав тройной латте. – Однако тебе нельзя кофеин. – И она была права, поскольку я собиралась сегодня поэкспериментировать с магией. – Крепись.

– Верно, – раздался у меня за спиной чей-то голос. – Ничто так не укрепляет характер, как проверка самоконтроля.

Я развернулась. Я совершенно не была готова к тому, что кто-то вступит в разговор.

– Вольфе?! – ахнула я. – Вы?! Вы вышли из дома?

Малахия Вольфе, инструктор и владелец «Школы самообороны Вольфе», уничтожающе взглянул на меня своим единственным глазом.

– Естественно. Как, по-твоему, я запасаясь продуктами?

– Я думала, вы их заказываете.

– Иногда, – согласился Вольфе. – Но я пришел сюда лично, чтобы купить кофейные зерна французской обжарки. Собаки их любят.

Хоть я и предположила, что для Вольфе вполне разумно выбираться из барака, который он именует своим домом, – но мне и в голову не приходило, что я могу встретить его в стильной кофейне. Мы с Адрианом пару месяцев назад занимались у Вольфе на курсах самообороны и, несмотря на их эксцентричность, почерпнули там кое-что полезное. Сам Вольфе был тем еще типом – с длинными космами с проседью и с повязкой на глазу.

– Гм, – хмыкнула миз Тервиллингер. – Сидни, ты не хочешь нас представить друг другу?

– Что? – Я никак не могла освоиться с тем фактом, что на Вольфе джинсы, а не его излюбленные бермуды. – А! Это Малахия Вольфе. Тот самый человек, у которого мы с Адрианом занимались на курсах самообороны. Вольфе, это моя учительница истории, миз... э-э, Жаклин Тервиллингер.

– Очень приятно, – произнесла миз Тервиллингер.

Она протянула Вольфе руку, а он торжественно наклонился и поцеловал ее ладонь.

– Нет-нет, поверьте – мне куда приятнее.

К моему полнейшему ужасу, он задержал ее руку в своей, а миз Тервиллингер не стала ее отнимать.

– Вы тоже учитель? – поинтересовалась она. – Когда я заметила вас, мне показалось, что передо мной – родственная душа.

Вольфе серьезно кивнул.

– Нет цели выше, чем обучать юных и развивать их разум, готовя их к величию.

Я подумала, что это является некоторой натяжкой, если учесть, что его методика преподавания минимум на пятьдесят процентов состояла из того, что он потчевал нас историями о том, как он бежал от пиратов в Новой Зеландии или как сражался со стаей клыкастых воронов. (Когда я указала на то, что таких птиц не существует, он заявил, что правительство скрывает их существование.) Мы с Адрианом пытались составить график предполагаемых приключений Вольфе, поскольку были уверены, что он сильно преувеличивает.

– Что привело вас сюда сегодня, леди? – спросил Вольфе. Он огляделся по сторонам. – И где ваш парень?

– Кто? А, вы имеете в виду Адриана, – небрежно произнесла я. – Он, наверное, еще на занятиях. Он учится живописи в Карлтоне.

У Вольфе глаза полезли на лоб.

– Я всегда считал, что он малость чокнутый, но я не думал, что все настолько плохо.

– Он очень талатлив! И получил очень хорошие отзывы на свой совместный медиа-проект.

Похоже, мои слова не убедили Вольфе.

– И что же это было?

– Блок, изображающий монолит из «2001» как символ эволюции человечества в мире рекламы и социальных сетей.

Вольфе презрительно фыркнул.

– Студенты-идеалисты!

– Блестящий проект! – уперлась я.

– Сидни, – сказала миз Тервиллингер. – Это немного чересчур.

Я даже не нашла, что сказать на такое вероломное заявление. Вольфе сразу воспользовался представившейся возможностью.

– Хотите узнать, что такое искусство? Вам надо посетить выставку на верфи в Сан-Диего. Там создали батальное полотно из времен Гражданской войны при помощи ножей-боуи.

Я открыла рот, чтобы ответить, но ничего не смогла придумать, поэтому закрыла его и прикусила губу.

У миз Тервиллингер загорелись глаза.

– Звучит впечатляюще.

– Хотите, вместе съездим? – предложил Вольфе. – Я собираюсь туда на выходных.

В пятый раз.

Пока они обменивались номерами своих мобильных, я взглянула на Брэйдена. Он стоял, замерев, с нашими напитками в руках. Что ж, по крайней мере, я не одинока. Я достала Любовный телефон и написала Адриану: «Наткнулись на Вольфе. Он пригласил миз Т на свидание».

Адриан ответил именно то, что я и ожидала.

За этим последовал завершающий удар: «Она согласилась».

Адриан лишился дара речи. «?!»

На обратном пути мы почти не разговаривали. Мечтательное лицо миз Тервиллингер усугубляло ситуацию.

– Мэм, – не выдержала я, наконец. – Вы уверены, что свидание с таким человеком – хорошая идея? Учтите, у него одиннадцать чихуа-хуа!

– Мисс Мельбурн, – отозвалась миз Тервиллингер, назвав меня старым прозвищем. – Я не критикую ваш сомнительный романтический выбор. Не спрашивайте и вы о моем.

Флирт с Вольфе отнял часть нашего времени, но, надо отдать должное миз Тервиллингер, она употребила оставшиеся двадцать минут с толком. Мы сдвинули несколько парт вместе и положили на них одну из книг Инес и мисочку с землей. Миз Тервиллингер указала на рисунок в книге, на котором было изображение ладони и ромбовидных комочков почвы.

– Для этого не существует настоящего заклинания, – заявила миз Тервиллингер, выкладывая землю мне на ладонь по требуемому образцу. – Оно из разряда медитативных. Ты не пытаешься достичь конкретного результата, а стараешься ощутить суть стихии. Что ты чувствуешь, когда думаешь о земле?

– Что не надо надевать белое.

Губы миз Тервиллингер дрогнули, но с курса она не сбилась.

– Перейди в транс, как при колдовстве, и размышляй обо всей земле на свете и о ее важности для магии.

Я была знакома с трансом, но использовать его для связи с материей оказалось сложно. Тем не менее я зажмурилась и сосредоточилась на дыхании. Через минуту я впала в то странное состояние, при котором разум одновременно и чист, и сосредоточен. Земля у меня в руке была прохладной, и мне представились сырые, покрытые туманом леса, как в национальном парке Редвуд, где деревья цепко хватаются за землю, а запах влажной листвы царит повсюду. Почва сама по себе не всегда присутствует в заклинаниях, но там встречается множество из того, что скрывается в ней: драгоценные камни, растения...

– Открой глаза, – вымолвила миз Тервиллингер.

Я послушалась и увидела, что мою руку окружает слабое сияние.

– Попытайся переложить его в другую руку и удержать.

Свет не имеет плотности, и мне предстояло действовать мысленно. Я наклонила руку, и свет потек в другую ладонь. Сияние начало просачиваться между пальцами и рассеиваться в воздухе. Я сжала кулак, пытаюсь ухватить последние капли света.

Тут дверь в классную комнату отворилась, и я вздрогнула, утратив контроль рассудка над остатками света. Свет исчез.

Зоя всунула голову в класс и позвала:

– Сидни!

– Входите, мисс Адмор, – холодно произнесла миз Тервиллингер и захлопнула книгу, не глядя на страницы. – Но в следующий раз будьте любезны стучаться.

От этого выговора Зоя покраснела.

– Прошу прощения, мэм. Я просто переволновалась, пока искала Сидни. – Зоя была не столько обижена, сколько смущена. Ее, как и меня, воспитывали, требуя соблюдать очень строгие правила этикета и вежливости. Зоя взглянула на стол. Миз Тервиллингер благоразумно положила книгу задней стороной кверху, чтобы не видно было никаких надписей, но мои грязные руки оставались на виду. – А что вы делаете?

Миз Тервиллингер, подхватив книгу и миску, отошла к своему столу, а я отряхнула руки.

– Страдаем сентиментальными глупостями. Я собрала эту землю около Парфенона, когда прошлым летом ездила в Грецию, и сохранила ее на память. Меня зачаровала идея владеть чем-то таким, что присутствовало при развитии великой цивилизации, – попыталась разрядить ситуацию моя учительница.

Объяснение было притянутым за уши, но признаться, что землю использовали для извлечения магии сути земли, было бы еще более странно. Я сглотнула и попыталась поддержать предложенную историю.

– Ты же знаешь, Зоя, как я мечтаю побывать в Греции. И я подумала: может, если я подержу эту землю в руках, то почувствую свою причастность к истории. – Я коротко усмехнулась. – Но на ощупь это самая обыкновенная земля.

Миз Тервиллингер тоже засмеялась.

– Мы с вами, мисс Мелроуз, поддались полету воображения. Когда-нибудь вы просто съездите туда сами. А сейчас эта земля вернется в мою коллекцию.

Она почтительно поставила чашу на каталожный шкафчик. На самом деле она зачерпнула эту землю из амбервудской клумбы, когда мы сюда шли, – я сама видела.

Зоя нахмурилась, но кивнула – а что ей оставалось делать?

– Ну... хорошо. Слушай, уроки уже окончились – может, ты проедешь со мной? Мы редко куда-то выбираемся, а мне нужны новые туфли за нормальные деньги, но чтобы не стыдно было надеть. Сегодня мы все равно никому не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.